

БОРИС ИВАНОВ

ПЛАТА ЗА ПЛАТИНУ

ИЛИ ПОПЫТКА СОХРАНИТЬ ДЛЯ ИСТОРИИ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ
ИМЕНА И НАХОДИВШИЕСЯ ПРЕЖДЕ ПОД ГРИФОМ «СОВ.СЕКРЕТНО»
НЕКОТОРЫЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ ТОГО, КАК В РЕЗУЛЬТАТЕ
«ВРАЖЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В ОДНОЙ КРАСНОЯРСКОЙ
«ШАРАШКЕ» РОДИЛАСЬ ПЛАТИНА «В РУБАШКЕ».

КРАСНОЯРСК. 2001 ГОД.

*Эта книга - дань светлой памяти
Владимира Николаевича Гулидова,
который за свою стремительную жизнь
сумел сделать много полезного для
Красноярска и красноярцев. Он очень
хотел, чтобы глубоко замурованные
прежде в тайниках ГУЛАГа
трагические страницы подлинной
истории завода «Красцветмет»,
которому он отдал и жизнь свою, и имя,
наконец-то стали известны
максимально большему числу людей. По
мере сил, возможностей, а, чаще, не
возможностей я и стремился
выполнить это...*

АВТОР

ПРИМИ НАПУТСТВИЕ, ЧИТАТЕЛЬ!

У каждого человека – своя биография. Есть она и у каждого завода. И так же, как у людей, в ней присутствуют радость свершившихся достижений и горечь трагических событий. В значительной степени это свойственно таким уникальным заводам, как по своей истории, так и по применяемым технологиям, каким является Красноярский завод цветных металлов. Если бы его история писалась в прежние годы, то она была бы изложена по хорошо обкатанному стандарту: начало строительства, первая плавка, передовики производства, торжественные митинги и собрания. И так далее. И все это действительно было, происходило. Но это была бы полуправда, которая, как известно, бывает хуже лжи. Автор предложенной тебе, читатель, книги попробовал в меру имеющихся в настоящее время возможностей написать действительную, уже состоявшуюся историю Красноярского завода цветных металлов. Думаю, что эта попытка ему удалась.

Возможность получения обогащенных металлами платиновой группы шламов при электролизе на Норильском комбинате предопределила создание завода по их переработке с получением благородных металлов

высокой чистоты. Норильский комбинат строился и эксплуатировался в системе ГУЛАГа. В этой же системе возник и Красноярский завод цветных металлов. Принцип комплектования обоих производств научно-техническими кадрами, специалистами высокого класса был одинаков: их отбирали из числа находящихся в заключении выдающихся ученых и производственников. И как трудно представить становление Норильского комбината, скажем, без металлурга профессора Николая Михайловича Федоровского и геолога Николая Николаевича Урванцева, так и создание аналитической службы и технологий получения благородных металлов на аффинажном заводе неразрывно связано с именами Ивана Яковлевича Башилова, Рудольфа Людвиговича Мюллера и многих других. Пройдя арест, следствие, неправый суд и лагеря, они сохранили свое человеческое достоинство и потребность в творческой работе. Попав на завод, они сразу задали такой высокий уровень научно-технических разработок, что он сохранился и по сей день. Из недавних деревенских школьниц, направленных на завод по мобилизации, они сделали первоклассных специалистов. Училось у них и руководство завода, цехов, отделов, лабораторий. Их доброе, достойное отношение к коллегам, творческий подход и ответственность при

выполнении научно-исследовательских работ вспоминают все, кому приходилось с ними трудиться.

Их, как сейчас бы сказали, аура сохранилась в подразделениях завода. Мне приходилось разговаривать с людьми, работающими в его цехах, и они это подтверждают. В лаборатории до сих пор хранятся рабочие журналы Ивана Яковлевича Башилова, его конспекты и собранная им библиотека...

Автор книги, по сути, провел исследовательскую работу, изучив ранее недоступные документы, ознакомившись с воспоминаниями ветеранов и получив информацию от людей, в разное время возглавлявших завод. В ней достаточно полно показано прошлое, настоящее и перспективы завода на будущее.

Надеюсь, что книга будет интересна как тем, кто работает на «Красцветмете» в настоящее время, так и ветеранам завода, а также всем, кто неравнодушен к истории.

Председатель Красноярского

общества «Мемориал»

Владимир Сиротинин

**«...сегодня парень в бороде,
а завтра где? В эНКэВэДе...»**

(слова, которые и при новой
жизни из старой песни не выкинешь)

1. БЫЛ ПРИГОВОРЕН И УДОСТОЕН.

«Враг народа» Иван Яковлевич Башилов прожил в Красноярске всего две сталинских пятилетки. И не по собственной воле, а только потому, что был привязан к городу на Енисее бесконвойным поводком ГУЛАГа. «Человек с ружьем» никогда его здесь не сопровождал, но и покинуть Красноярск без разрешения на то «органов» Башилов не имел права. У ГУЛАГа, надо полагать, просто не хватило бы профессиональной стойкости спокойно пережить такую разлуку.

Судя по документам, под которыми стоит подпись создателя Советского государства В.И.Ленина, формирование системы Главного Управления ЛАГерей, а именно так расшифровывается эта, уже утонувшая в прошлом аббревиатура, было начато еще в 1918 году. Включив конвейер массового уничтожения граждан

собственной страны и обладая в связи с этим высокой живучестью, ГУЛАГ в первой половине 30-х годов достиг небывалого прежде размаха, как территориального, так и «поголовного», имея ввиду астрономические числа загнанных «за проволоку» людей. Его опыт по созданию общегосударственной системы принудительно-созидательного трудового перевоспитания стал предметом для подражания и был активно подхвачен, к примеру, в Германии. Здесь вскоре после 1933 года, с приходом к власти нацистов, стала стремительно расширяться сеть концентрационных лагерей, на воротах многих из которых красовался лозунг-аргумент: «Работа сделает тебя человеком». Это у них. У нас, ради оправдания огромного числа политических узников, чаще употребляли: «На свободу с чистой совестью», что совершенно не меняло сути происходящего.

И хотя Иван Яковлевич Башилов к моменту ареста был уже достаточно известным в стране ученым, кто-то, видимо, решил, что человек, не прошедший очистительных кругов ГУЛАГа, как носитель скверны, не имеет оснований, считать свою жизнь полноценной. А потому, нет ничего удивительного в том, что вырвавшись из лагерной зоны в Красноярск, Башилов к городу своего трудовоселения, судя хотя бы по его сохранившимся письмам, не испытывал, мягко говоря, особой привязанности. Но работая при этом

честно и весьма плодотворно, он, вместе с тем прилагал массу доступных в его положении, отчаянных и совершенно бесполезных усилий, чтобы побыстрее распрощаться и с Красноярском, и с аффинажным заводом № 169 Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) СССР. Так в период с июня 1941 и по январь 1953 г.г. называлось нынешнее Открытое акционерное общество «Красноярский завод цветных металлов», который ради краткости чаще именуют «Красцветметом». Причем, будучи очень добропорядочным человеком, Башилов повел речь о своем отъезде лишь после того, как убедился, что «дело сделано» и предприятие, на создание которого по воле ГУЛАГа он был «брошен», твердо встало на избранный технологический путь. Увы, все его письменные и устные просьбы остались безответными. Свободу выбора места под солнцем он обрел только после собственной смерти. Похоронен Иван Яковлевич на старейшем в Красноярске, Покровском кладбище.

Ввиду специфичности положения за годы сибирской принудилочки ни сам Башилов, а тем более его ДЕЛА не получили широкой известности. И только теперь становится все более очевидным, что жестоко репрессированный ученый относится к плеяде тех благородных пришлых на берега Енисея людей, которые сумели, каждый в своем деле, озолотить Красноярск. И в первородном, и в переносном смыслах этого понятия. Такой вывод, на мой взгляд,

абсолютно правомерен поскольку Башилов занимал ключевое положение среди тех «врагов народа», которые более десятка лет стояли у колыбели красноярской платины и всех ее ближайших родственников по семейству платиноидов. К сожалению, на исходе 20 века и в самом начале нового столетия в большинстве своем многочисленные разно талантливые и азартные до бизнеса «десантники из Центра» чаще всего оставляют на берегах Енисея лишь горестные воспоминания о себе. Но это, лишь к слову.

Чрезвычайно плодотворная «вражеская деятельность» доктора технических наук Башилова была нетрадиционно для тех трагических лет и оценена. Вместо 9 граммов сталинского свинца, которыми с маниакальной щедростью органы НКВД «поощряли» многих «врагов», независимо от их достоинств и недостатков, Иван Яковлевич сначала был премирован прекрасными карманными часами швейцарского производства (по просьбе сына Башилова я лично передал их в музей завода - автор), потом – кожаным пальто. Позже ему, «врагу», вручили орден «Знак Почета». А еще примерно через полгода – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.». И, наконец, «враг народа» Башилов был удостоен звания лауреата Сталинской премии. Это произошло за пять лет до его кончины. Но, полагаю, более

всего больное сердце ученого подверглось накату эмоций в тот день, когда ему была вручена еще одна, на этот раз самая долгожданная «награда», совершенно «чистый», без прежней отметки «спецпоселенец», паспорт.

Весьма своеобразным для тех лет следует считать и отношение властей города, а также руководителей завода и к смерти Башилова. Она настигла ученого в августе 1953 года. Сталин к тому моменту уже ушел из жизни, но его «исторические заветы» еще не были отменены. Вопреки им гроб с телом «врага народа» был установлен для церемонии прощания во Дворце культуры завода, что и сегодня находится на улице Ползунова, как раз напротив дома, в котором проживал Башилов. Прежде упомянутый «очаг культуры», в кратчайшие сроки построенный зэками в 1948 году, был известен в городе как ДК имени 30-летия ВЛКСМ. Удивительно и то, что житель правобережья Башилов был похоронен не как все, «по месту жительства», а на центральном тогда городском кладбище, которым в те годы считали Покровский погост, находящийся на левом берегу Енисея.

Все это, а также врученные Башилову при жизни награды, как бы принуждают сделать вывод, что где-то «наверху» одного из первооткрывателей советского радия и не считали вовсе подлинным, явным, 100-процентным

«врагом народа». Он просто был очень нужным «товарищу ГУЛАГу» в таком качестве специалистом, и по этой причине его держали там, «где надо», вопреки его устремлениям, жизненным планам и, наконец, состоянию здоровья. Неопровержимые доказательства того, что было именно так, а не иначе, автору этой книги представил, в частности, сын Башилова, Владимир Иванович. Но о них позже.

В годы мрачной сталинской солнечности другие очень нужные «враги», вдохновенно-принудительно мастерили в гулаговских «шарашках», как, к примеру, будущие академики Сергей Королев и Андрей Туполев, советские космические системы и новинки самолетостроения. Словом, ГУЛАГ был как бы своеобразным «питомником» для содержания талантов из бесконечно многих сфер человеческой деятельности.

Можно и не относить себя к знатокам сталинской летописи, чтобы признать случившееся с Башиловым по-своему уникальным фактом, когда ученый, объявленный от имени «отца и учителя», неизвестно за что, «врагом», становится еще и лауреатом премии его же имени. То есть обладателем одной из наиболее высоких в стране, по тем временам, наград. Есть в этом что-то от дьявола. Не берусь утверждать стопроцентно, но мне кажется, что за годы

политических репрессий в Красноярске, где и своих, и этапированных сюда «врагов» было тогда предостаточно (по данным местного управления ФСБ репрессированных только по 58-ой статье УК было около 60 тыс.человек), подобное произошло лишь единственный раз, и только с Башиловым. Иных сталинских «врагов-лауреатов» мне в истории Красноярска обнаружить не удалось. Впрочем, даже если кто-то, прочитав эти строки, назовет и другие имена, уникальная ценность деяний Башилова вряд ли от этого понизится.

Так что, если «отцы города», узнав однажды об этом, вдруг почувствуют жгучее желание присвоить одной из улиц Красноярска имя Башилова, то я бы порекомендовал не сдерживать себя в этом благородном порыве. Тем самым будет восстановлена справедливость, и по отношению к памяти об Иване Яковлевиче, и к подлинной истории города. По крайней мере, как уроженец Красноярска, я настаиваю на этом. Иначе намеченного поворота от кривды к правде не произойдет. Да и не требуются тому особые доказательства, что ученый, обладающий колоссальным потенциалом, металлург от Бога, призванный в ряды «врагов народа», принес родному для меня городу заметно больше совершенно реальной пользы, чем, к примеру, все «карлы-марксы»

вместе взятые, чьи имена носят расположенные в центре Красноярска магистрали.

«Мы не должны забывать ничего. Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть...» В работе над книгой о начальном периоде истории «Красцветмета» мне более всего именно это и хотелось сделать. А заковыченная мной выше фраза взята из тронной речи, которую отставной полковник КГБ Владимир Путин, всенародно избранный президентом России, произнес 7 мая 2000 года, в день своего вступления в должность. Так что считать ее только добрым пожеланием главы государства вряд ли возможно. Это, скорее всего, весьма настоятельная рекомендация человека, который и до своего президентства обладал наивысшей в стране осведомленностью.

Из биографии Ивана Яковлевича Башилова, написанной им собственноручно. (публикуется впервые).

«Я родился в 1982 году в городе Кашинке Калининской области (бывшая Тверская губерния) в семье бухгалтера уездного казначейства. С 11 лет жил и учился вне семьи, а с 4-го класса гимназии полностью перешел на личный заработок репетиторством и уроками. В 1911 г. окончил с золотой медалью Тверскую гимназию и поступил в

Петербургский политехнический институт, на металлургическое отделение, курс которого окончил в 1921 году. С 1918 года начал работать в отделе нерудных ископаемых комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской академии наук в качестве научного сотрудника. В 1919 году принял предложение радиевого отдела той же Комиссии выехать в г. Березники Пермской губернии...

Осенью 1924 года я был переведен в Москву и начал работать в секции редких элементов Особого Совещания по восстановлению основного капитала в промышленности редких элементов... В 1927 года я был командирован Высшим Советом Народного Хозяйства в Германию и Чехию для ознакомления с предприятиями по редким металлам. Данные, полученные в результате командировки, были использованы при проектировании Радиевого завода и завода Редких металлов в Москве (ныне Комбинат твердых сплавов)...

Способ извлечения радия и мезотория из радиеносных руд (авторское свидетельство № 24394 от 9.07.29.) был передан мной для реализации Управлению Северных лагерей Особого назначения при ОГПУ СССР, которое в то время начинало развертывать работы в Ухто-

Печорском районе Коми АССР. Эти работы я консультировал и в дальнейшем до 1934 года...

В 1937 году, став доктором технических наук, я являлся еще и членом ученого Совета Таджикско-Памирской экспедиции при Совнаркомом Союза ССР, консультировал развертывание первого в мире и единственного предприятия по извлечению радия и мезотория из глубинных вод, которое создавалось на основе моих разработок. Передача этого предприятия в эксплуатацию была санкционирована на особом заседании Совета производительных сил при Академии Наук страны под председательством академика В.И.Вернадского.

В июне 1938 года ученым Советом Московского института тонкой химической технологии моя кандидатура была выдвинута на выборы в Академию Наук СССР. Но в августе того же года я был репрессирован органами НКВД и Особым Совещанием (ОСО) при наркомате внутренних дел и приговорен к пяти годам заключения в лагерях. В 1939 году был выслан в Ухтинский район Коми АССР, на то самое предприятие, которое работало по предложенному мной ранее способу, безвозмездно переданному мною же ГУЛАГу НКВД и которое я несколько лет назад также безвозмездно консультировал!...»

Беседуя с сыном Башилова и с некоторыми из его бывших сослуживцев по «Красцветмету», прочитав в несколько редких, но все-таки существующих публикаций о деятельности ученого, мне удалось собрать и систематизировать лишь несколько, но очень важных, на мой взгляд, деталей из жизни Ивана Яковлевича. Так, к примеру, документально подтверждено, что увлеченный научными исследованиями молодой Башилов защитил свой диплом в Ленинградском политехе лишь в январе 1929 года, ознаменовав тем самым свое 37-летие. То есть, не придавая, очевидно, большого значения получению «корочек», он просто азартно работал, окончив институт еще в 1921 году. Сохранилось и название темы его диплома: «Исследование переработки радийсодержащих руд». Как ученый-практик, блестяще защитив свой студенческий диплом, он получил квалификацию инженера-металлурга по специальности «металлургия иных, кроме железа, металлов».

В одной из своих статей в 1922 году, будучи еще студентом, Иван Яковлевич написал так: «...в итоге ряда всякого рода соглашений в 1919 году был организован на Бондюжском химическом заводе Главхима небольшой пробный завод, непосредственное заведование которым и его устройство легли на автора этой статьи». Данный факт Башилов упоминает и в своей автобиографии. К чему

следует добавить, что на пробный радиевый завод он попал по рекомендации Виталия Григорьевича Хлопина. Будущий академик в те годы был уполномоченным Коллегии по организации и эксплуатации создаваемого в г. Березники завода при Академии наук страны. Интересно и то, что доверенный Башилову завод располагал мощностями для получения... «полутора граммов металлического радия в год».

Вполне допустимо предположить, что пришедший во время «еды» «аппетит», в смысле поиска более эффективных методов добычи радия, и заставил Башилова отправиться в свою первую и единственную заграничную командировку. В Германии и Чехии он посетил химические заводы Кальбаума, Шихардта, де Гена и

Марквардта. После возвращения ученый отметит в своем отчете, что *«отношение к нашим представителям на немецких заводах, в частности, на заводах тонкой и специальной химии, в самое последнее время стало сугубо осторожным. И, насколько удалось выяснить, не последнюю роль в этом положении играет наша широко объявленная кампания за индустриализацию страны. Года два или три тому назад на наших представителей смотрели как на возможных покупателей, крупных заказчиков продукции завода,*

теперь же в них видят конкурентов, желающих достижения немецкой техники перенести на свои предприятия и, тем самым, из покупателей стать производителями. На всех заводах, которые мне удалось посетить, по-видимому, существует точное расписание того, что можно показать нашим представителям и чего нельзя. Ибо ни в одном случае мои просьбы об осмотре того или другого отделения сверх того, что уже было показано, не удовлетворялись под разными предлогами до ссылки на секретность производства включительно».

Такие выводы сделал ученый. В те дни до его ареста оставалось чуть более 10 лет. Впрочем, увлеченно работая над процессами получения советского радия, он, понятно, и не предполагал, что «в знак благодарности» за это его на 15 лет его не просто упекут в железные объятия ГУЛАГа, а заставят первое время трудиться именно на том предприятии, становлению которого, по мере сил, он, находясь на воле, и помогал...

*Из воспоминаний, написанных старшей дочерью ученого
Ириной Ивановной Башиловой. (публикуется впервые)*

« Летом, как всегда, мы жили на даче всей семьей: папа, мама, моя сестра (на год старше меня), я и мой брат, которому только что исполнилось 6 лет. Мне было без

двух месяцев 15. В ту теплую ночь – с 21 на 22 августа 1938 г. – мы с сестрой спали на сеновале, а папа с братом – в доме.

Я проснулась от того, что кто-то меня тихонько расталкивал. В полутьме я узнала нашу хозяйку, которая будила меня: «Ира, Ира, вставай скорее, тебя зовет папа», - говорила шепотом она. Леля, моя сестра, спала рядом и я протянула руку, чтобы ее разбудить. В голове мелькнула мысль о том, что папа будит нас, чтобы пойти «по росе» за грибами. Схватив мою руку, хозяйка сказала: «Лелю не трогай, пусть спит, папа просил разбудить только тебя». От сеновала до дома было метров 20. Я побежала босиком.

Дверь в нашу комнату была закрыта, я рывком открыла ее и все поняла... Первым я увидела папу в одном белье. Он был бледен и взволнован, но, подойдя ко мне, спокойно сказал: «Ира, не волнуйся, произошла какая-то ошибка и я завтра вернусь. Постарайся сделать так, чтобы не проснулся Володька». Я встала около кровати брата. В комнате был чужой мужчина в штатском. В папиной комнате из платяного шкафа все было выброшено на пол и двое мужчин еще что-то там искали. Какие-то вещи валялись на полу и в большой комнате. Был четвертый час утра и в комнате был полумрак, начинающийся

рассвет плохо освещал ее. Как только я увидела папу, я мгновенно успокоилась, вернее «застыла» и не произнесла ни единого слова.

Неожиданно ко мне подошел мужчина, остававшийся в большой комнате, и, как я поняла потом, был над остальными двумя начальником. Он протянул мне фотоаппарат «ФЭД» и шепотом сказал: «Возьмите и спрячьте». Я вся сжалась от ужаса и, заложив руки за спину, ближе подвинулась к кроватке, где спал Володя. Он отошел от меня. Я боялась смотреть на папу, чтобы не зареветь, помню только, что он в одном белье все время ходил по комнате. Я совершенно механически, как кукла, поворачивалась к Володьке – следила за тем, чтобы он не проснулся (так сказал папа) и все это время следила за «начальником». Через несколько мгновений «начальник» снова подошел ко мне, повернулся и из-за спины снова протянул мне «ФЭД», прошептал: «Да возьмите же его, наконец, не бойтесь». Я не обругала его, но еще теснее прижалась к кроватке, где безмятежно спал брат. «Начальник» опять отошел от меня и прошел в маленькую комнату, где на столе лежали папины бумаги и рукописи, которые ворошили те двое, внешности которых я не помню совсем. Я услышала, как «начальник» спросил: «Ну, что?» «Ничего», - ответили ему. Я пыталась еще

ближе прижаться к кроватке брата, но уже некуда было отступить и я села на нее.

«Начальник» ловким и сильным движением засунул «ФЭД» под подушку Володе и отошел от нас. В это время из папиной комнаты вышли те двое и сказали: «Можно ехать, здесь ничего нет». Вдруг один из них обратил внимание на фотопленку, которая была прикреплена зацепкой для белья, сушилась на одном окне и, как видно, не была замечена раньше. «Подождите, - сказал он, у него (он имел в виду папу) – есть фотоаппарат, который он спрятал». Вот тут я почувствовала впервые в жизни жуткий страх, который так и остался во мне на всю жизнь. «Не ищите, я его взял,» – сказал начальник...

Даже среди таких людей, пусть только исполнителей чужой воли, но исполнителей ужасных, нашелся человек с душой. Он, вероятно, понял, как только увидел папу, с кем имеет дело, и не задумываясь сделал добро. Этого человека я никогда не забуду. Если бы я встретила его сегодня, то конечно узнала бы.

«ФЭД» подарил мне папа после окончания 7-го класса. Это была самая ценная вещь у нас в доме. Фотоаппарат был очень дорог мне, но впоследствии я вынуждена была отнести его в магазин, где взамен мне дали талоны на

покупку вещей и я купила себе первые в жизни «выходные» туфли на высоком каблуке, светлые, красивые и модные, со строчками по всей союзке. Я их очень берегла и надевала только дома, чтобы полюбоваться ими и собой. Но когда несколько лет после войны, я надела эти туфли, чтобы встретить Новый год, они все расползлись от старости...

Папа надел костюм, и я попрощалась... Последнее, что я слышала, был шум отъезжающей машины. Я легла на кровать и заснула. Я проспала почти двое суток и мама решила, что я умерла или умираю. Но я, к сожалению, проснулась...

КРАСНОЯРСК.

НОЯБРЬ 1996 года

Морозным днем 12 ноября 1996 года на старейшем в городе Покровском мемориальном кладбище в присутствии большого количества металлургов и просто жителей города был открыт памятник на могиле Ивана Яковлевича Башилова. Это произошло через 43 года после его похорон. Когда упало полотно, собравшиеся увидели на крупной из черного мрамора глыбе прямоугольной формы не только портрет усопшего, даты его рождения и

кончины, но и прочли принадлежащую ему фразу:
«ПОСМОТРИТЕ ЖЕ НА МОИ ДЕЛА...»

Выступая на скорбном митинге по случаю открытия памятника, генеральный директор «Красцветмета» Владимир Николаевич Гулидов, не скрывая волнения, говорил, что уже многие годы считал для себя делом чести увековечить память об этом прекрасном человеке и блестящем ученом, который, став жителем Красноярска в мрачные для страны годы, удивительно плодотворно работал здесь и обрел свой вечный покой на этой земле. «Если хотите, мы увековечиваем сегодня не только память о нем, - звенели в морозном воздухе слова Гулидова,- но и обо всех тех, кто положил свои жизни и здоровье на алтарь науки, несмотря на то, что государство нанесло всем им тяжелейшую душевную рану, назвав их «врагами народа» и заставив работать в условиях репрессий...»

А до этого в течение двух лет, выполняя заказ дирекции завода, известный красноярский скульптор, академик Юрий Ишханов работал над памятником. Другая группа во главе с руководителем красноярского общества «Мемориал» Владимиром Георгиевичем Сиротининым два долгих месяца на уже давно закрытом для захоронений Покровском кладбище пыталась найти могилу Ивана Яковлевича Башилова, так как о ее существовании на

заводе просто забыли. Как забывают здесь почему-то и о том, что в течение почти 15 лет, а это одна четвертая часть биографии завода, он входил в систему ГУЛАГа, которую относят к самым жестоким формам государственного рабовладения. Прежде публично об этом было запрещено вспоминать. Позже – стали стыдливо замалчивать, или говорить только общими фразами. По крайней мере, так мне показалось, и с чем я не мог согласиться.

Через какое-то время поиски могилы увенчались успехом. Более чем скромное надгробие было украшено обычной в таких случаях небольшой латунной пластиной, надпись на которой сохранила имя, отчество и фамилию, а также даты рождения и смерти. Вполне возможно, что тогда, в 1953 году, упоминать нечто большее об ушедшем из жизни человеке «не сочли» возможным, так как в течение предыдущих полутора десятка лет он жил под пресловутой 58-й статьей. Когда же это клеймо было снято, запас его сил на дальнейшую жизнь уже был исчерпан. Но навечно остались его ДЕЛА, на которые мы теперь и можем посмотреть. Но прежде, хотя бы чисто экскурсионно, познакомимся с самим заводом и тем, кто открыл для нас с тобой, читатель, многие его «секреты» и достоинства мирового класса...

2. ...ВРУЧИВ ЗАВОДУ НАВСЕГДА И ЖИЗНЬ СВОЮ, И ИМЯ...

«Красцветмет» без сомнения относится к категории тех предприятий общероссийского значения, которые за минувший 20 век прочно утвердили себя и в списке выдающихся научно-технических достижений мирового класса, и в перечне покорителей неизведанных прежде вершин инженерной мысли. Между прочим, завод, не относящийся к «гигантам сибирской индустрии», обеспечивает два процента доходной части бюджета страны. За ним - 60 процентов мирового производства палладия и пятая часть платины. Дай ему больше сырья, и он в свои 60 лет легко покорит новые высоты производительности.

Это, разумеется, не говорит о том, что завод за свой трудовой стаж не встречал на избранном пути экономических ям и провалов, что движение его к намеченным целям всегда осуществлялось по «зеленому коридору», что он, как говорится, «баловень судьбы» или же просто везунчик. Все было! Однако успехи минувших лет «Красцветмет» не получал в подарок. Его коллектив, извините за банальность, обеспечивал их, прежде всего

своим могучим интеллектуальным потенциалом, который был заложен здесь изначально, и той деловой хваткой, которая была приобретена им задолго до перехода в рынок и до реальных возможностей изучать «передовой зарубежный опыт». В связи с последним следует сказать, что до конца 80-х годов 20 века все работники «Красцветмета» относились к категории невыездных. Так что одно это принуждало их вариться «в собственном соку», поскольку и принимать у себя иностранных гостей они не имели возможности.

Менялись поколения заводчан, руководители предприятия, менялась подчиненность завода различным ведомствам страны, неизменной оставалась лишь верность однажды избранным деловым принципам. Эта эстафета наиболее бережно пронесена через все «этапы большого пути». Но вот что удивляет, выпустив более чем за полвека для своей страны совершенно фантастические объемы всех известных человечеству драгоценных металлов, «Красцветмет» не получил от нее ни единого грамма в ответ в виде «правительственной награды». Можно лишь гадать, почему такое произошло в государстве, где ордена и медали, по утверждению статистических служб, всегда имели наивысшую в мире растиражированность. Пожалуй, самое парадоксальное в этом и то, что на протяжении многих лет высшая в

Советском Союзе награда, орден Ленина, изготавливалась при непосредственном участии «Красцветмета». Делали для всех, только не для себя.

Впрочем, как выяснилось, никаких обид за эту «неувязку» на заводе ни на кого не держат, считая, очевидно, что наступит день, когда «награда найдет героя». А если и не найдет, то здесь и без этого знают себе цену. Полезно напомнить, что многим трижды и пятикратно награжденным в стране предприятиям врученные прежней властью ордена, увы, особой славы и стабильности не добавили. Стремительный переход плановой экономики «в рынок» резко обнажил скрытую прежде несостоятельность многих, когда вдруг стало совершенно невозможно получать деньги за продукцию, которая, как выяснилось, почти никому не требовалась ни внутри страны, ни в братских государствах «социалистического содружества».

Исключительно как человек со стороны, думаю, что «Красцветмет» вошел в рынок солидно и подготовлено. А высшим признанием со стороны профессионалов данной сферы авторитетности «Красцветмета», бесспорно, стала прошедшая в Красноярске 21-25 сентября 1998 года Первая Международная деловая конференция

«Российский рынок драгоценных металлов и драгоценных камней: состояние и перспективы».

«Первая»... В России и, тем более, в Красноярске, который в честь этого события был публично назван «Столицей российской платины». Подозреваю, что за пределами Советского Союза, а потом и России, это было известно и раньше, но таковы были порядки. От соотечественников было наглухо сокрыто то, о чем прекрасно знали надуманные и явные враги. «Первая»... «деловая»... Последнее обстоятельство подчеркивалось почему-то с особым нажимом. Словно для усиления значимости события, которое стало подлинным украшением, а, если хотите, и самым ценным подарком, преподнесенным «Красцветмету» в год его 55-летия. Более ста участников международной конференции из США, Англии, ЮАР, Японии, Канады, Чехии, Австрии, Польши и других стран встретились на берегах Енисея прежде всего по своим профессиональным делам, а не ради провозглашения тостов в честь 55-летия «Красцветмета». Хотя, разумеется, время нашлось и для того, и для другого.

Я видел сам, с каким мальчишеским по своей заразительности азартом генеральный директор завода Гулидов комплектовал из прибывших на конференцию

коллег небольшие группы и водил их одну за одной в те цеха, куда имели допуски далеко не все работники предприятия. Позже он мне скажет: «Они были в полном отпаде». О чем свидетельствуют высказывания и самих гостей.

Альберт Приор (Швейцария, коммерческий директор фирмы «Приор инжиниринг групп»): *«Российские технологии и сами инженеры вызывают у меня чувство уважения. Они занимают самое достойное место в мире. России давно было пора организовать свою постоянную конференцию по благородным металлам. Ведь она наряду с Южно-Африканской Республикой лидирует в мире по их выпуску...»*

Стюарт Мюррей, ведущий специалист фирмы «Импала Платенум» (ЮАР): *«Красноярский завод работает с теми же с благородными металлами, что и мы, и делает это в лучших традициях, отвечая самым высоким требованиям и стандартам...»*

Майкл Стилл, директор по исследованию рынков фирмы «Джонсон Маттей» (Англия): *«Охрана окружающей среды – важнейший вопрос для всего мира. Металлы платиновой группы крайне нужны для решения этой проблемы. Производя солидные объемы платины, Россия должны немедленно развивать эту*

отрасль, и наша фирма готова оказать содействие в этом заводу в Красноярске...»

Владислав Шинкоренко, вице-президент Международной академии информатизации (Москва), доктор философских и исторических наук:
«Красноярский завод – уникален. Он единственный в мире серийно производит все без исключения драгоценные металлы. Все! Так что лучшую базу для проведения первой в России конференции нам не пришлось долго искать...»

Вячеслав Радаев, главный «кладовщик» Гохрана (Москва):
«Я постоянно ощущаю, что Россия не оскудела ни научным потенциалом, ни драгметаллами. Особенно в нашей «кладовой» заметны красноярские металлы. Их узнаешь даже по внешнему виду, а то и на ощупь. Особенно слитки платины. Поэтому так огромен и спрос на нее во всем мире...»

Признаюсь, что сама необходимость писать о Гулидове в прошедшем времени лично для меня - очередное, за все прожитые годы, тягостное испытание. Рыночная распутица высветила так много незаслуженно процветающих говнюков, что кажется абсолютной нелепицей, когда из

жизни раньше времени уходят очень хорошие люди. Вот и Владимир Николаевич туда же... Он погиб, словно птица, сбитая влет.

Мы не были друзьями, соперниками по теннисному корту и по отношению ко мне он никогда не состоял в спонсорах. Однако начиная с лета 1988 года, когда я познакомился с Гулидовым в его директорском кабинете в старом здании заводоуправления, мы много и охотно встречались. Чаще случайно и мимолетно, а иногда и для обстоятельных бесед. Помню, первая из них была посвящена тем сувенирным изделиям из кварца, которые «Красцветмет» начал выпускать, кажется, в год нашего знакомства. А возможно, чуть раньше. Это были совершенно очаровательные, словно сделанные из хрусталя, «елочки», «рожки с колокольчиками», «ключи»... от сердца, или, если угодно, от города. А еще заводские умельцы массово выпускали по заказам памятные медали на все случаи жизни. «В честь окончания средней школы». «В память о свадьбе»... Для тех лет это были диковины, как и все то, что появляется впервые.

Помню, мне порекомендовали «заказать у Гулидова» десятка два-три медалей, посвященных установлению дружеских связей между жителями арктического поселка Диксон, что в Красноярском крае, и теми американцами, что проживают в городе Диксон штата Иллинойс, близ

Чикаго. Так получилось, что мои публикации в советской и зарубежной прессе позволили диксонцам двух стран не только узнать друг о друге, но у них возникло и желание лично познакомиться. Позже мы, вместе с моим американским коллегой Уильямом Шоу, написали книгу о связях диксонцев. Русский вариант ее был назван «И мы перешагнули океан». Но это позже. А в августе 1988 года мэру нашего Диксона Николаю Картамышеву и мне предстояла командировка в США, вот для нее и нужны были медали. Я представил Владимиру Николаевичу разработанный красноярской художницей Ириной Гладченко эскиз, и при его содействии наш заказ был блестяще выполнен за очень краткий срок.

Получая из наших рук медали, американцы были в полном восторге. А вот рассказать о заводе, где их сработали, мы не имели права. «Красцветмет» тогда все еще был погружен в свою историческую неизвестность.

Владимир Николаевич был искрящимся человеком. Именно таким он мне казался и в те минуты когда рассказывал о действующих на заводе уникальных технологиях, и когда в своем кабинете в новом здании заводоуправления он, в ответ на мой вопрос, начал вдруг показывать, как не покидая кресла, он мог раздвигать шторы на огромных окнах, включать кондиционер, освещение и что-то еще. Всего 5-7 минут он состоял в роли

гида, но исполнил ее по-мальчишески взхлеб и с высочайшей уважительностью к тому, что можно признать совершенством.

Позже я не случайно, а сознательно, стал свидетелем того, как его пытались снять с директорской должности. Тогда, летом 1994 года, завершалось формирование концерна «Норильский никель». Гулидов был предельно взвинчен, считая, что завод не должен входить в состав этого формирования. На все мои тревожные вопросы он ответил мягкой улыбкой и показал выразительный кукиш. Он был бойцом не только на татами, причем, и в делах директорских, и в житейских исповедовал взвешенный атакующий стиль. Да и коллектив не позволил его уволить, проведя пару многолюдных митингов под лозунгами «Руки прочь от Гулидова!». Я был на них, и точно знаю, что не каждый директор может услышать то, что говорили красцветметовцы о своем руководителе.

А однажды мы встретились в Токио, причем, не заметив друг друга, прилетели в столицу Японии на одном самолете в составе крупной делегации Красноярского края во главе с тогдашним губернатором Валерием Зубовым. Летели ночью без промежуточной посадки, так что многие после взлета сразу же заснули в своих креслах...

И вот загадочный Токио. Февраль 1998 года. Идет нудный дождь. Правда, температура была плюс 15.

Думаю, тогда у организаторов этой поездки делегации почти из 150 человек на Дни презентации края в столице Японии что-то «не срослось - не заладилось». Наш чартерный рейс прибыл в токийский аэропорт очень ранним утром, и тут же мы узнали, что места в гостинице для всех заказаны лишь с 14 часов. Нам предложили «с вещами» покинуть самолет и разместиться в нескольких автобусах. При посадке в них я и «обнаружил» Владимира Николаевича. Он приветливо подмигнул и заметил: «Красноярский край начал экспортировать свой бардак. Можете сообщить об этом всему миру». По ходу «пьесы» я постепенно начал понимать, о чем он вел речь. Салоны автобусов были очень узкими, так что здоровенные российские мужики едва протискивались промеж сидений. А еще надо было разместить чемоданы и горы свертков.

Нам объявили, что до поселения в гостинице мы будем знакомиться с городом. Увы, и это не получилось, так как Токио просто утонул в плотном утреннем тумане и дождевой пелене. Особенно все ощутили это, когда «гостям из Сибири» предложили подняться на лифтах, кажется, на 40 этаж какого-то местного небоскреба, где расположена надежно застекленная смотровая площадка. Правда, так и не увидев Токио с «птичьего полета», мы ощутили острейший запах кофе. Но и у стойки расположенного здесь же бара нас, неприкаянных, ждал

очередной облом. Япония, как известно, дружит с США заметно теснее, чем с Россией. Однако, как выяснилось, не настолько, чтобы при каких-либо покупках принимать доллары вместо иен. А японской валюты ни у кого из членов делегации не оказалось. Грех было сомневаться в платежеспособности нескольких руководителей красноярских банков или директоров предприятий, различных фирмачей да и журналистов. Но бумажники у всех нас, как показал проведенный нами блиц-опрос, были «заряжены» исключительно долларовыми купюрами. Понятное дело, их можно было обменять на иены. Но для этого нужно назвать отель или иное место, в котором ты остановился, приехав в Японию. А мы уже шестой час «прописаны» только в автобусах.

«Ну, что, пойдём искать «кустики», - сказал мне, мрачно усмехаясь, Гулидов, когда затянувшаяся экскурсия сделала очередную остановку где-то в районе императорского дворца. «Кустики» мы здесь не нашли, а в нормальный туалет нас просто не пустили, так как никто не мог оплатить так желанную для всех встречу с унитазом. Правда, чуть позже кто-то из сотрудников торгового представительства России, которые нас встречали и сопровождали, сумел «размочить» ситуацию. Не то оплатил своими, не то договорился об открытии сугубо туалетной краткосрочной

«кредитной линии». Не знаю, но все поздравляли друг друга «с облегчением».

Мелочь, конечно, на фоне тех бизнес-планов, которые предстояло обсудить с деловыми кругами Японии, но, к сожалению, подобные «пустяки» чаще всего и губят наши «большие замыслы». Мы, помнится, даже дискуссию на эту тему провели с Владимиром Николаевичем во время нашей прогулки по ночному Токио. Чисто профессионально он подчеркнул, что такая «ржавчина» любой металл сожрать способна. И сопровождал свои суждения о случившемся очень даже ненормативной лексикой. Скверную организованность он просто органически не переносил. Об этом мне не раз и на заводе говорили.

15 марта 1999 года я передал Владимиру Николаевичу первичный вариант рукописи книги об истории завода «Красцветмет», над которой по его просьбе работал начиная с июля 1997 года. К тому моменту я уже знал, какие места в тексте должны быть изменены и чем дополнены. Осталось главное, выслушать замечания заказчика. Как и было условлено, в течение месяца я не беспокоил Гулидова. При обвальной директорской загрузке он не так много имел времени для обстоятельного прочтения того, чем я заполнил 269 машинописных страниц.

Зная, что гендиректор всегда приходит в свой рабочий кабинет к 7 часам утра, и до появления в приемной

секретаря сам отвечает на все телефонные звонки, этим «секретом» он однажды со мной поделился, я, кажется, 14 апреля позвонил Владимиру Николаевичу. После приветствий он четко сказал: «Прочел. Думаю, что книга получилась. По крайней мере создана очень добротная и серьезная основа. Но есть места, которые придется доработать. Сделаем так, я на два-три дня сгоняю в командировку, а ближе к 20 апреля встретимся. Сходим снова в баньку, там и поговорим...»

Не сходили, не поговорили... Он загадочно погиб раним утром 17 апреля на обледеневшей за ночь автотрассе, которая ведет в новосибирский аэропорт «Толмачево». Точнее, умер уже на операционном столе вскоре после случившейся аварии. Для многих в Красноярске известие об этом стало подлинным многодневным шоком. Рукопись книги мне вскорости с благодарностью вернули, приложив позитивный отзыв о ее содержании. Как я понял, книга не могла состояться, так как она попала в разряд «не достойных издания» только потому, что в ней оказалось «много ГУЛАГа». А еще мне выплатили «за труды» причитающиеся деньги. Правда, это не доставило ни малейшей радости...

Как можно судить по воспоминаниям отдельных ветеранов «Красцветмета», почти в 60-летней истории завода лишь два его руководителя были официально возведены коллективом в отеческий ранг. В связи с этим необходима некоторая расшифровка заводской таблицы о рангах. До июня 1953 года этим предприятием, согласно нормам системы НКВД-МВД, руководили не директора, а начальники завода, практически каждый из которых сидел на двух стульях, так как был одновременно и начальником эковского лагеря при «Красцветмете». Первым таким дважды начальником был Михаил Ильич Гутман. Как посланец ГУЛАГа он осенью 1939 года принимал участие в выборе площадки для строительства аффинажного завода, а затем с января 1942 и по июнь 1944 г.г. возглавлял и зарождающееся в муках предприятие и, конечно же, лагерь при нем. Вот его-то и называли «папа Гутман».

«Отцом и учителем» в те времена был, понятно, только тов. Сталин. Но вознесенный до заоблачных высот, он не мог быть полезен каждому реальному человеку, когда требовалась добротная лопата или теплая одежда, сытная пайка или же угол для отдыха, укрытый от холода надежными стенами. Таким был житейский практицизм тех дней, когда скорее не разумом, а сердцем, люди ощущали, что находившийся поблизости реальный «папа» намного нужнее далекого придуманного «отца». Разумеется, эти

откровения каждый доверял лишь внутреннему голосу, не произнося их вслух, даже находясь в одиночестве в пустой комнате. Тогда даже известную пословицу сообразно обстановке превратили в актуальное назидание: «Слово – не воробей, вылетит - и поймают».

А «папа Гутман», несмотря на все суровости тех лет, говорят, многое делал «по-людски» и умел относиться, по мере возможностей, к подчиненным заботливо, а иногда и трогательно. Как знать, может быть именно по этим «данным» он и не удержался в занимаемых креслах на более продолжительное время. ГУЛАГ обычно с «иноверцами» долго не дружил.

Последним начальником «Красцветмета» был Николай Дмитриевич Кужель. Он принял «хозяйство» в мае 1945 года, а через 8 лет, в мае 1953 года, когда в стране начался разворот кампании «по ликвидации последствий культа личности Сталина», Кужель был провозглашен первым гражданским директором предприятия. Он проработал в этой должности до 1955 года, оставив заводчанам за «десятилетку» много добрых воспоминаний о себе. Как, впрочем, и не добрых, от которых никуда, наверное, не денешься, занимая такой пост.

В череде ярких и неординарных персон, которым в разные годы был доверен руководящий «штурвал» «Красцветмета», есть, бесспорно, личности исторического значения,

поднявшие предприятие на более высокие орбиты технологического совершенства. Это и Павел Иванович Рожков (июнь 1955-май 1974г.г.), и Борис Михайлович Грайвер (май 1974-июнь 1988г.г.). Но только с появлением в директорском кресле Владимира Николаевича Гулидова в заводском коллективе вновь возродилось понятие «отец». Не сразу, а где-то примерно на полпути его 11-летней директорской карьеры. А началась она, как говорил мне Владимир Николаевич, совершенно неожиданно для него. «Весной 1988 года пришли ко мне представители двух цехов, и предложили выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах директора. Мы, сказали, тебя поддержим».

Гулидов был избран директором на собрании представителей трудовых коллективов завода 26 мая того же года. Это была весна первых демократических преобразований в стране после 70-ти лет тоталитаризма. Еще не было свободной России, но и «Союз нерушимый» уже трещал по швам, которые к тому моменту были прошиты, как выяснилось, окончательно прогнившими нитками «дружбы и единения». Тогда кто-то бульдожьей хваткой держался за старое, кто-то безоглядно рвался к новому...

Вот, вроде бы отклонился от темы. Но только ради того, чтобы напомнить: время, отпущенное Гулидову для

руководства «Красцветметом» вполне можно признать испытательным сроком. Точнее, особо жестким испытательным сроком и для него, и для завода в целом. Оно и сейчас еще таковым остается, но тогда все только начиналось...

Вообще, вспоминая Гулидова, позволю себе утверждать, что он контрастно отличался от всех прежних начальников и директоров «Красцветмета». Разумеется, говорю не только об известной истине, что каждый человек сам по себе неповторим. Нет, речь идет об иных, более значимых различиях. Начнем с того, что директор, под руководством которого завод мог войти в новое столетие, являлся первым в истории предприятия не назначенным «сверху», а избранным «снизу». И не рядовым, а впервые генеральным директором, и не завода, а Открытого акционерного общества «Красноярский завод цветных металлов». Кроме того, заняв кресло руководителя предприятия еще во времена остатков советской плановой экономики, Гулидов стал первым рыночным директором, причем, совершенно «дикого рынка», когда не существует ни «погонял», ни «нянек», а все держится лишь на прямом диалоге производителя продукции и ее потребителей. И это при ощутимом давлении политики на хлипкую экономику, когда «спасение утопающих», ежели таковое требуется, становится повседневной заботой исключительно «самих

утопающих». Впрочем, как и способность предприятий «выходить сухим из воды», опять же, если в этом возникнет надобность.

К отличительным «приметам» Гулидова относится еще и то, что он был уроженцем той земли, на которой всю жизнь работал. Богучанский он, с берегов Ангары. В 1959 году после окончания Богучанской средней школы поступил Владимир Гулидов в только-только перебазированный тогда из Москвы в Красноярск институт цветных металлов. К слову, этот известный в стране вуз, созданный в советские годы на базе Российской Горной академии был размещен в Красноярске в самом ГУЛАГовском месте. Как раз напротив, в двух шагах от берега Енисея, в годы разгула сталинского беспредела находился центральный пересыльный лагерь. Отсюда на баржах по реке, или другими этапными перегонами уходили десятки тысяч эков в Норильск, Игарку, Нордвик, в Северо-Енисейск, в Решоты... На предприятия цветной и прочей металлургии, на объекты лесодобычи, на прокладку дорог, по которым большинству узников так и не суждено было вернуться.

Теперь там, где размещался пересыльный лагерь, на народные пожертвования воздвигнут и открыт летом 1998 года Свято-Никольский храм-памятник. Он не позволит предать забвению трагедии бесконечно многих репрессированных всех времен и народов. Кстати, и

Гулидов, и завод, который он возглавлял, относятся к тем, кто наиболее активно материально содействовал сооружению храма..

Сам Гулидов, как говорится, «академиев не кончал», а лишь имел диплом однажды избранного для учебы института. Но, уже находясь на посту генерального директора «Красцветмета», как автор почти 90 научных трудов и изобретений в сфере производства платиноидов, золота и серебра, как лауреат Государственной премии (1984 года), он был избран академиком сначала Международной Академии информатизации, а затем и членом-корреспондентом Российской Инженерной Академии. Так что объективности ради отметим и такой факт. Если прежде академики бывали на «Красцветмете» исключительно «проездом», то именно с Гулидова начался список заводских, доморощенных академиков, как принято говорить, «на постоянной основе», что также следует внести в перечень памятных вех истории предприятия, где от рождения связь науки и практики относят к ценностям высших категорий.

Все перечисленные основные отличия безвременно ушедшего из жизни Гулидова от его директоров-предшественников не имели бы смысла (не ради же «культа личности» они собраны здесь!), если бы с его приходом не началась и новая эра в истории уникального

предприятия. К моменту своей гибели он отработал на заводе в разных должностях ровно 33 года, что давало ему уникальное право сопоставлять и сравнивать, начиная с первого в его жизни рабочего дня на заводе. А он был...

- Отлично помню, 2 марта 1966 года я стал мастером в цехе... – сказал мне незадолго до рокового случая Гулидов.

- **Владимир Николаевич, а те технологии, которые завод использует, где-то еще в мире применяются?**

- За годы моего директорства я познакомился практически со всеми аффинажными заводами, что действуют на нашей планете. Их примерно с десяток. Профессионально это очень полезно. Мы, как и аналогичные предприятия, используем одни и те же, известные человечеству, законы комплексной химии. Однако непохожесть наша состоит в том, что мы по-разному подходим к этим законам. Есть аффинажные предприятия, которые извлекают по одному, по два металла. Мы же в отличие от них практически **все-ядны**. Когда был Советский Союз, наш завод имел более 10 тысяч поставщиком сырья. При этом каждый из поставляемых концентратов отличался по составу от другого. Но для любого из них мы можем найти самую эффективную технологию извлечения. То есть, используя общие для всех законы, мы отличаемся многочисленными нюансами их применения. У нас, к

примеру, нет ярко обозначенной «головы» процесса, как и его «хвоста», окончания. Иначе говоря, мы можем начать обработку любого концентрата и с середины процесса, и с его стартовой отметки. При этом никаких отрицательных воздействий на конечный результат не допустим. Все зависит от поставленной задачи, какой металл мы решили извлечь сначала, а какой позже.

Скажем, в 1989-90 годах самые большие деньги платили за родий, и мы его, естественно, получали прежде всего. Этим мы и отличаемся от всех аналогичных инофирм. У нас самый короткий, так я считаю, технологический цикл по любому из драгоценных металлов. Платину, палладий, родий, иридий, рутений, осмий по отдельности извлекают многие предприятия. Скажем, на каком-то из них получили первый в нашем перечне, второй и третий металлы, а для извлечения оставшихся концентрат отправляют на другой завод. Весь же «букет» платиноидов доступен пока только «Красцветмету». И это лидерство, думаю, сохранится за нами еще многие годы.

- Вы продаете свои технологии?

- Наоборот, держим в строжайшем секрете. Имею ввиду не полный технологический цикл, а те самые нюансы, о которых я упоминал. Да и золото, в отличие от многих предприятий, мы получаем не традиционным, электролизным методом, а несколько иным, который

обеспечивает нам очень короткий технологический цикл. Когда в России, наконец, будет создан нормальный рынок драгметаллов, все основные добытчики золота, уверен, станут поставщиками сырья только на наш завод. И не из-за любви к Красноярску, просто мы можем максимально сократить время получения чистейшего золота, а это в свою очередь, уменьшит расходы на оплату банковских кредитов. То есть, опять же, наша рыночная привлекательность – самая привлекательная в мире. Это я утверждаю со слов большинства наших заказчиков.

А мощности у нашего завода просто потрясающие! Я не знаю в стране да и в мире второго предприятия, которое может получать в год 250 тонн золота, то есть в два раза больше, чем производит вся Россия. Или другой пример. Конец 80-х - начало 90-х годов. Я еще очень молодой директор. Встает вопрос о повышении заработной платы всему коллективу. Правительство разъясняет, хотите больше получать, увеличивайте объемы производства.. Такую возможность мы тогда имели, так как и мощности недогружены, и запасы сырья скопились колоссальные. Мы и взялись за них. Получили фантастические объемы платины и палладия. За пару лет мы фактически 10-летний запас сырья переработали. Реализовали металлы, и не только повысили заработки, но и построили производство ювелирных изделий. Правда, позже, набравшись опыта, я

бы не пошел на такие расходы запасов сырья. Поторопились мы, надо было рациональнее ими распорядиться.

- Помните, Владимир Николаевич, мы с Вами 1 июля 1990 года в составе большой делегации красноярцев во главе с руководителем края Валерием Сергиенко вылетели прямо из Красноярска через Аляску в США. А потом несколько дней жили в семьях американцев в городе Диксон, близ Чикаго? Это была Ваша первая поездка за рубеж?

- Прекрасно помню. Она была первой не только для меня, но и первой для всех работников завода. Фактически именно тогда была преодолена одна из нелепиц минувших лет, когда мы все были «невыездными». Если считать ту мою поездку в США как ознакомительную, то можно утверждать, что заочные деловые контакты с зарубежьем начались для нас чуть раньше, в 1989 году. Тогда ведь факсов не было, и мы первые свои связи с инофирмами поддерживали через Москву, через «Алмазювелирэкспорт». Обменивались телеграммами, звонками... Это было достаточно спокойное время. Советский Союз еще не развалился, ничего нового к тому моменту не сформировалось. Если можно так сказать, мы вошли в международную жизнь при достаточно благоприятных обстоятельствах.

А началось все с того, что однажды к нам на завод из Южной Африки через «Алмазювелирэкспорт» поступила посылка, оцененная, между прочим, в один миллион долларов. С такой вот «визитной карточки» и зародилось наше сотрудничество с известной южноафриканской фирмой «Импала Платенум». Она, к слову, является второй в мире по объемам выпускаемой платины.

Получив посылку, мы узнали, что безо всякого контракта и каких-либо других официальных документов, только под джентльменское доверие, нас просят извлечь из направленного нам концентрата все находящиеся в нем драгоценные металлы. Мы в ответ телеграммой запросили: какие должны быть получены результаты? Дело было для нас привычное, так как доставленный посылкой концентрат мало чем отличался от норильского. И вскоре мы выполнили эту работу. Наши африканские коллеги остались довольны, однако их удивило, что родия мы выдали им больше, чем они предполагали.

А вскоре мне поступило приглашение посетить Южную Африку... Кроме упомянутой вами нашей поездки в США, напомним, других зарубежных визитов у заводчан не было. И тут сразу – Южная Африка. А там – разгул апартеида... Я позвонил генеральному директору Норильского комбината Анатолию Васильевичу Филатову. Он одобрил наш контакт. Я ему говорю, что, наверное, поедут пятеро наших

специалистов. Он возразил: «Ты сам специалист, так что поезжай один». Вот так, вместе с Алексеем Карасевым из «Алмазювелирэкспорта», мы и отправились в Южную Африку, в город Йоханнесбург. Понятное дело, в столь дальней дороге натерпелись мы всякого, но приняли нас хорошо. Как специалисты одной отрасли мы сразу нашли общий язык. Фирма «Импала» находится примерно в 70 км от Йоханнесбурга. Осмотрев завод, мы сразу заметили, что по уровню аффинажа мы стоим заметно выше. К примеру, чтобы получать больше металлов, они увеличивают прежде всего добычу руды. Мощностей же завода у них была явная нехватка. По этой причине они и ищут партнеров-переработчиков, чтобы к ним направлять часть своего сырья. Помню, во время деловых бесед мы доказали коллегам, что родия из их первой посылки было нами получено ровно столько, сколько его содержал присланный концентрат. Они не скрывали от нас своего удивления в связи с этим.

- Теперь, надо полагать, «Красцветмет» не имеет каких-либо ограничений в сферах международного сотрудничества?

- Конечно, не имеет, если в эти отношения не вмешивается политика или те российские законы, напоминающие топор, которым пытаются рубить тот самый сук, что всех нас держит. Я только так называю отрасль, в

которой всю жизнь работаю. Скажем, за те четыре года, что мы принудительно находились в составе РАО «Норильский никель», заводу неоднократно пытались «перекрывать кислород» при установлении деловых контактов на мировом рынке. Тем самым нам хотели доказать, что без сырья из Норильска или от каких-либо еще предприятий РАО наш завод, якобы, не проживет. Мы доказываем обратное, но нам внушали только это.

- Интересно, если не секрет, при каком минимальном уровне загрузки оборудования ваш завод сохраняет рентабельность?

- Не секрет. В наиболее худшей для нас ситуации мы сохраняли рентабельность и при 20-процентной загрузке. Повторю, у нас очень емкие мощности. В начале 1999 года мы использовали их уже на 30 процентов. Беда в том, что в настоящее время из-за экономического спада Россия крайне мало потребляет платиновых металлов, а раз так, то и вторичное сырье поступает к нам для переработки в очень ограниченных объемах. А именно на этом мы и получали прежде свою прибыль. Но, уверен, все вернется на круги своя.

- Когда читаешь документы из истории завода и воспоминания его ветеранов разных лет, невольно ощущаешь не только все невероятные тяжести того времени, лишения и унижения, но и чувство осознанной

гордости по случаю того, что многим изначально было понятно, что создается совершенно уникальный завод. Борис Михайлович Грайвер, к примеру, работавший директором лет на 30 лет раньше Вас, как-то сказал мне, что счастье «Красцветмета» состоит в том, что еще при рождении в него были заложены сильнейшие гены талантливых людей...

- Я абсолютно с этим согласен. У нас, действительно, очень крепкие корни. Они достались нам от тех корифеев советской металлургии и химии, которые были вольными и не вольными создателями нашего завода. Мы всегда обязаны помнить о них. У нас есть цеха, где действуют одни традиции, совершенно не похожие на традиции других цехов. Есть трудовые династии... Но главное, все с очень большой ответственностью относятся к тому, что делают. В настоящее время в России имеется еще несколько предприятий, которые могут извлекать золото и серебро. Это мощный Приокский завод цветных металлов, аффинажное предприятие в Новосибирске и аналогичное ему в городе Щелково, под Москвой. Есть еще небольшое, производящее золото и серебро, предприятие в Кыштыме, появился недавно завод, кажется, в Колымске. Подчеркну еще раз, с платиной от своего рождения и на протяжении более 55-ти лет работаем только мы! Причем, не имея не единой рекламации на свою продукцию за минувшие годы.

И, полагаю, с этих позиции нас еще долго никто не сдвинет и не обойдет. Давайте встретимся лет через 10, и прикинем дальнейшую перспективу «Красцветмета»...

Все еще невозможно в это поверить, но уже не встретимся. Впрочем, жизнь не застыла на месте, а завод, по воле коллектива удостоенный имени Гулидова, теперь, надеюсь, навечно обеспечен запасами оптимизма...

3. «НКВД СПРАВОК НЕ ДАЕТ...»

Платина – не хлеб, и без нее прожить можно. Как, между прочим, без золота, серебра и всех прочих благородно-драгоценных металлов. Однако жизнь людская становится заметно надежнее, если они все же имеются. Факты, извлеченные из глубин истории человечества, свидетельствуют об этом весьма убедительно. Скажем, при возникновении тех же «хлебных проблем» во все времена и отдельные люди, и целые государства, обладая драгметаллами, устраняли трудности куда более успешнее, чем при отсутствии таковых. Старая истина: между просителем и покупателем есть существенная разница.

Думаю, в этом и была одна из причин того, что в городе Красноярске во имя высших интересов страны и решили построить такой завод, который бы позволял получать все без исключения известные на Земле благородные металлы, в больших объемах и в самом чистейшем их виде. Так что, продолжая рассказ о создателях этого предприятия, возьму на себя смелость утверждать, что его возвели ради того, как говаривал А.С. Пушкин, «чтоб государство богатело».

Построенный почти в самом географическом центре страны, завод уже в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны стал еще одним ее валютным цехом.

Он произвел свою первую продукцию, 1291 грамм промышленной платины и 3235 граммов палладия в порошке, 23 марта 1943 года. Отметим, это произошло спустя чуть более двух лет после закладки на правобережье Красноярска первых объектов завода.

Вообще, скоростные методы, приводившие, как правило, к установлению «трудовых рекордов», были, как бы, всеобщей «эпидемией» для тех времен. Вспомним знакомые по старым кинофильмам темпы прокладки первых линий и станций Московского метрополитена, или первой ГЭС на Днестре, знаменитый ДнепроГЭС... Именно в те годы всеобщей индустриализации в СССР появился новый отечественный токарный станок. Его называли бесхитростно просто ДИП. И только спустя много лет, став после окончания средней школы слесарем-ремонтником, я узнал, что присвоенное станку имя целиком было созвучно с главным лозунгом тех лет, и расшифровка его была предельно проста: «Догнать и перегнать». Неважно, кого, хоть собственную тень, но надо было быть впереди. Позже, когда вскоре после смерти Сталина новым советским «рулевым» стал Хрущев, к понятию «догнать» отношение почти не изменилось. А вот «перегонять» уже не рекомендовалось, чтобы всеобщая голая советская задница не была видна

всему остальному человечеству. С официальных трибун это стремление, правда, толковали несколько иначе, но «в народе» говорили именно так.

Темпы сооружения отдельных «ударных объектов» в течение 30-х, 40-х и начала 50-х годов сохраняли свою непревзойденную и в более поздние времена рекордную окраску. Скажем, несколькими годами ранее, чем было начато сооружение комбината в Норильске, а затем и аффинажного завода в Красноярске, «питомцы» ГУЛАГа завершили прокладку Беломоро-Балтийского канала. Его строительство было начато в ноябре 1931 года и закончено через 21 месяц. 28 августа 1933 года Совет Народных Комиссаров подписал постановление, в котором сказано «зачислить Беломоро-Балтийский канал... в число действующих внутренних водных путей СССР». При этом надо учесть, что новая водная магистраль в три раза протяженнее Панамского канала и на 67 километров длиннее Суэцкого, который строился 10 лет, а Панамский – 28. Так что для системы ГУЛАГа, а у него в плену к тому моменту была фактически вся страна, темпы прокладки Беломорканала

стали своеобразным эталоном. Быстрее – можно, медленней – нельзя. И при этом, понятно, никто на официальном уровне и не пытался подсчитывать, какое

количество зэков «легло костями» ради решения «исторических задач» скоростными методами.

Известный польский журналист и писатель Мариуш Вилк, чтобы детально исследовать подлинную историю строительства этой водной магистрали длиной в 227 км, в начале 2001 года специально стал жителем одного из поселков на Соловецких островах, где и зарождалась система ГУЛАГа. Он уже подсчитал, что из всего каменного грунта, который был взорван при прокладке канала можно было бы возвести семь пирамид Хеопса, а теми бревнами, что использованы здесь, можно опоясать половину земного шара. Однако, как заявил коллега в одном из интервью, главная его цель: установить подлинное число погибших в результате использования «рабского труда» при строительстве канала. Но более всего его поразило то, что табачные фабрики в России до сих пор выпускают папиросы и сигареты под названием «Беломорканал», что, считает он, также оскорбительно для памяти о погибших, как, к примеру, если бы в Польше стали производить аналогичную продукцию, назвав ее «Освенцим». А в этом концлагере нацисты, создав конвейер смерти, загубили миллионы и его соотечественников, и представителей других народов. Что-то с памятью у нас стало...

В своих воспоминаниях один из бывших директоров «Красцветмета», лауреат Ленинской премии, очень уважаемый мною Борис Михайлович Грайвер отмечает, что завод вошел в число действующих немногим более чем через 2 года после начала строительства. Он называет этот факт «фантастикой и подвигом». Однако нужна, как мне кажется, вполне оправданная поправка. На иные темпы «отцы» ГУЛАГа тогда просто не имели права. «Беломор» обязывал! Промедление в данном случае было «смерти подобно», так как допустивший снижение темпов любой «гражданин начальник» мог в одночасье стать «врагом народа» и пополнить ряды зэков, что и происходило многократно в те опутанные колючей проволокой годы.

Для более красноречивой характеристики того времени, в которое начал «появляться на свет» Красноярский аффинажный завод, я решил привлечь отдельные фрагменты из опубликованных в конце 90-х годов газетой «Известия» воспоминаний доктора экономических наук, бывшего полковника НКВД Бориса Самойловича Вайнштейна. В 30-40 годы он возглавлял сектор капитального строительства наркомата внутренних дел СССР, а затем и его плановый отдел. Так что, судя по

всему, имел прямое отношение к избранной нами теме. Занимая такие посты, а позже став еще и заместителем начальника Главоборонстроя, 86-летний Борис Вайнштейн наверняка относится к тем немногочисленным свидетелям эпохи массовых репрессий, которые помнят не только внешние ее приметы, но и подробности закулисной жизни.

Так, в частности, с глубоким знанием дела отставной полковник подтверждает, что в те годы в системе НКВД трудились десятки миллионов людей. «По сути вся оборонная промышленность, наш славный ВПК, который и составил основу индустрии СССР, был создан под кнутом карательных органов». По оценке полковника, «тотальная принудительность труда была вызвана исторической необходимостью, поскольку иначе подготовиться к войне с Германией, которую предвидело руководство страны, было невозможно"»

Имея редкий, даже по тем временам, допуск «на кухню» начавшейся тогда индустриализации страны, Борис Вайнштейн подчеркивает, что принудительность труда достигалась различными методами. «Путем строгого регулирования окладов и тарифных ставок, лимитирования фонда заработной платы, планированием от достигнутого уровня, требованием опережающего роста производительности труда по отношению к заработной

плате. В колхозах же господствовал самый настоящий рабовладельческий строй, в совхозах – феодальная система. Подневольность труда была закреплена законом о тунеядцах.

Интеллигенция также работала в приказном режиме, свобода творчества была резко ограничена и подчинена жестким нормам. Но высшая принудительность была в лагерях, где люди жили по казарменному расписанию и не имели свободы передвижения». При этом, Борис Вайнштейн замечает, что были лагеря, в которых «жилось лучше чем на воле. В Ухтинском лагере, к примеру, заключенные организовали даже оперетту...»

Хорошо помню, что на одном из концертов такой «оперетты» мне, 10-летнему пацану, довелось быть. Правда, в Игарке. Тогда с родителями я жил в этом заполярном городе. Здесь, к слову, я впервые в своей жизни и колонны зэков увидел. Кого в них насчитывалось больше, уголовников или политических, мне, понятно, было неведомо. Просто запомнилось, что их количество показалось мне бесконечным и все они были молчаливы и серого цвета. Тогда близ соседнего поселка Ермаково начиналась еще одна новостройка ГУЛАГа, № 503, прокладка железной дороги Салехард-Игарка. Думаю, частое появление зэковских колонн в городе связано

именно с этим «историческим фактом». Да и артисты «оперетты» приезжали на гастроли в Игарку именно с 503-й стройки. Там было собрано много талантов.

«НКВД справок не дает». Есть такой кинофильм о чекистах, герой которого настойчиво подчеркивает эту мысль с экрана. Вот, мол, таковы у нас порядки. Однако, не давая «справок», в НКВД все же их исправно писали и оставляли в архивах. Это стало известно после того, как свежий ветер перемен, начиная со второй половины 80-х годов, изменил существовавшие прежде нормы. Наивно полагать, что он уже распахнул плотные створки всех секретных хранилищ. Наверное такое произойдет заметно позже, но приступив к работе над этой книгой, ее автор и те, кто ему содействовал, все же получили возможность использовать отдельные документы и сведения, доступ к которым в былые времена был просто невозможен.

Отдавший лучшие годы своей жизни пребыванию в ГУЛАГе известный советский писатель Лев Эммануилович Разгон в статье «Милосердие под конвоем», опубликованной в августе 1988 года в «Медицинской газете», подчеркнул, что до 1939 года ГУЛАГ был фактически только мощным, хорошо отлаженным механизмом по методичному уничтожению

тех, кто попадал в его «объятия». Писатель, в частности, вспоминает, что «весной 1939 года в 1-ом лагпункте Устьвымлага из 517 человек, бывших в московском этапе, в живых осталось 22». И лишь ближе к началу сороковых годов, подчеркивает писатель, где-то в верховном руководстве НКВД начали осознавать, что ГУЛАГ может быть неисчерпаемым источником дешевой рабочей силы. Тогда-то и возникло понятие «человеко-день», появилась необходимость делить труд на категории (тяжелый, средний, слабый), право комиссовать заключенных, давать им освобождения на какой-то срок от работы, класть в появившиеся в лагерях больницы.

Описывая в своих воспоминаниях тяжкие для страны 30-е годы, другой отставной чекист Павел Судоплатов, руководивший на протяжении двух десятилетий в структуре НКВД службой разведывательно-диверсионных операций и, в связи с этим, постоянно находившийся рядом с Лаврентием Берия, который многие сталинские годы возглавлял «органы», подчеркивает, что мотивы репрессий «были связаны не только с личными амбициями Сталина и других «вождей», но и с той борьбой за власть, которая постоянно шла внутри их окружения. Подлинные ее цели всегда умело прикрывали громкими лозунгами – «борьбы с уклонами»,

«ускоренного строительства коммунизма», «борьбы с врагами народа», «борьбы с космополитами», «перестройкой». А в итоге жертвами всех этих кампаний всегда оказывались миллионы ни в чем не повинных людей». «Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретают безумные масштабы, и Сталин, - замечает далее Павел Судоплатов, - виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался негоден местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов».

Другой исследователь периода массовых репрессий, крупнейший английский историк Алан Буллок в своей книге «Гитлер и Сталин: жизнь и власть» совершенно объективно, как мне кажется, подчеркивает, что советский вождь «быстро оценил террор не как чрезвычайную меру, например, в период коллективизации, а как «формулу власти». В качестве доказательств английский исследователь напоминает фразу из закрытого доклада Н.С.Хрущева XX съезду КПСС. «Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты

человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был только оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям...»

Привлекая различные источники, английский историк делает вывод, «что общее число погибших в период между началом 1930 и началом 1939 года было не менее 18 миллионов человек». Впрочем, он не исключает, что более точный итог репрессий – это 20 миллионов. К началу же 1939 года, когда отлов «врагов» заметно пошел на убыль, - подчеркивает Алан Буллок, "в тюрьмах и лагерях все еще оставалось около 6 миллионов политических заключенных». Надо полагать, что именно этот остаток «спецконтингента» и решено было вовлечь в «будни великих строек», так сказать, приобщить к выполнению «грандиозных задач», поставленных ХУШ-м съездом ВКП(б) (так прежде называлась КПСС – авт.), который прошел в марте 1939 года.

«Хотя рабский труд в лагерях, - пишет Алан Буллок, - был и не очень производителен, все же он составлял часть советской экономики: миллионы трудились в шахтах, полтора миллиона на стройках, прокладывали железнодорожные пути, строили заводы...» Название и

назначение одного из них нам с тобой, читатель, уже известно. Это сейчас. В далеком же теперь 1939 году, когда лагеря и зэки воспринимались как должное и считались неотъемлемой частью «советского образа жизни», об этом не принято было не только говорить или писать, но и думать. Особенно в сибирских глубинках, где практически каждый населенный пункт был подразделением ГУЛАГа, и чаще всего официально имел какой-либо номер, а не название.

«Секретность, окружавшая лагеря... делала их еще более устрашающими, - пишет Алан Буллок, - не было

опубликовано ни одного списка арестованных, о лагерях в прессе не упоминалось, и все-таки каждый знал, что они составляют часть жизни, хотя друг с другом об этом никогда не разговаривали...»

«Начало строительства аффинажного завода в Красноярске следует считать прямым технологическим продолжением Норильского комбината. Если к его сооружению приступили в июле 1935 года, то постановление ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР о строительстве нашего завода было принято 7 апреля 1939 года». Так свидетельствует в своих

воспоминаниях о былом Павел Иванович Рожков, ныне один из старейших жителей Красноярска Он работал на строящемся Норильском комбинате, затем громил фашистов на фронтах Великой Отечественной войны, а в декабре 1946 года был направлен на Красноярский аффинажный завод. Эту «путевку в жизнь» ему выписал сам Авраамий Павлович Завенягин, заместитель, в те годы, наркома НКВД и один из первых начальников Норильлага и Норильскстроя. Павел Иванович проработал на заводе до 1974 года. Причем в течение 19 лет в качестве его директора. По его и многих других специалистов свидетельствам Норильский комбинат «просто был обязан иметь» свое технологическое продолжение. «Все дело в том, что когда здесь началась переработка первых партий местной сульфидно-полиметаллической руды, - вспоминает Рожков, - обнаружилось, что после извлечения из нее меди, никеля и кобальта остающиеся от процесса шламы в буквальном смысле начинены металлами платиновой группы, а также золотом и серебром». Понятно, пришедшее в руки людей такое богатство не могло быть упущено. Хотя тогда еще никто не знал, как можно было к нему подступиться.

Не имея ни малейшего отношения к металлургии вообще, а тем более к ее драгоценному созвездию, я все же хочу для таких же несведущих хотя бы кратко

представить платину. И поможет нам в этом книга доктора технических наук, лауреата Государственной премии, директора первого в России института цветных металлов Александра Орлова. Она так и названа, «Драгоценные металлы». Из нее следует, что платина дороже золота и заметно тяжелее его. И не только по удельному весу, но и по тому пути к людям, который ей пришлось преодолеть.

Впервые платину обнаружили в начале 18 века в Колумбии. Она мешала добыче золота, и по этой причине в течение 43 лет платину, как «сорняк», сбрасывали в реки Колумбии. Но установив однажды, что платина не боится ни кислот, ни щелочей и является более, чем золото, тугоплавким металлом, в Париже в 1776 году была впервые устроена распродажа изделий из платины. Думаю, что с тех пор она и стала обретать международную притягательность. В России первая встреча с природной платиной произошла в 1821 году, в долине реки Верхняя Нейва, что течет в 50 км к западу от Екатеринбурга. И опять помогла увлеченность людей добычей золота. Промывая его, местные мужики обнаружили в песке серебристого цвета комочки. Выбрасывать их не стали, а с характерной для россиян практичностью стали использовать в качестве... дроби при стрельбе из охотничьих ружей. Но уже в 1824 году тогдашний

российский царь Александр 1 самолично прибыл на Урал, чтобы взять под свое монаршее покровительство добычу нового металла. Затем в апреле 1828 года у нас в стране была выпущена первая платиновая монета достоинством в 3 рубля и весом чуть более 10 граммов...

Однако и тогда, и позже речь шла лишь о россыпной платине. Освоение же норильских месторождений заманчиво принуждало к освоению методов извлечения рудной платины. Как отмечают исследователи, к тому моменту такой опыт имела лишь Канада. Здесь, в

провинции Онтарио, близ города Садбери, добыча медно-никелевых сульфидных руд, аналогичных норильским, ведется с 1889 года, а извлечение платины было освоено лишь в 1919 году. Разумеется, канадские монополисты ни с кем не собирались делиться своими технологическими секретами. Вот почему опытный металлург тех времен, профессор Орест Звягинцев отметит в своих записках, что при разработке проекта завода в Красноярске НЕ БЫЛО:

...НИ ясного представления о составе и качествах исходного сырья.

...НИ технологии получения платиновых металлов из шламов.

...НИ конкретного понятия об аппаратуре, которую следует применять.

Иными словами, отечественным ученым-металлургам было над чем поразмышлять. И поскольку финал этих размышлений нам известен, вернемся к воспоминаниям ветеранов.

«Следует сказать, что новый завод, подчеркивает Павел Иванович Рожков, - первоначально планировалось разместить в более промышленно развитом Новосибирске, обсуждался и норильский вариант, и возможности некоторых других городов. Как мне позже рассказывал один из сотрудников Госплана СССР, И.Д.Возвышаев, после основательного обсуждения этой важнейшей проблемы, точку в дискуссии поставил А.П.Завенягин».

А вот что написал специально для истории завода другой причастный к его созданию и становлению, уже упомянутый выше, доктор химических наук, тогда один из ведущих специалистов московского Института общей и неорганической химии Академии наук СССР, профессор Орест Евгеньевич Звягинцев.

«В октябре 1939 года в Красноярск, где правительством было определено местоположение завода, из Ленинграда выехала группа инженеров института

«Союзникельоловопроект» (СНОПа), состоявшая из В.В.Дроздова, В.П.Ципулина и Л.М.Кулижнова. В Москве к ним присоединился пишущий эти строки. Возглавил комиссию по выбору площадки М.И. Гутман, назначенный начальником строительства завода и выехавший в Красноярск несколько раньше. К ним присоединился также и представитель ГУЛАГа НКВД Н.Ф. Сидоров. По приезде в Красноярск члены комиссии посетили секретаря крайкома партии т.Панкова, председателя горсовета т.Котляренко и других руководящих лиц, у которых заручились содействием в средствах передвижения и рекомендациями со стороны архитектора и санинспекции...»

Ради выбора площадки под строительство завода, пишет Орест Евгеньевич, «в серое осеннее утро мы начали объезд различных районов города. Побывали в юго-западной части левого берега, но отказались от этого варианта, так как была ощутима удаленность от источников водоснабжения и могли возникнуть сложности при прокладке железнодорожных подъездных путей. Посетила комиссия и северо-западную часть, за рекой Качей. Но и этот район был отвергнут. На другой день, который также был серым и дождливым, проехали по правому берегу. Через Енисей переправлялись на пароходе, который пересекал реку, покрытую «шугой». Осмотрели несколько

площадок недалеко от станции «Енисей» и станции «Злобино», где потом, во время войны, выросли различные заводы. И, наконец, доехали до завода «Красмаш». За ним в северо-восточном направлении к реке Енисей были видны жилые дома, а левее – здание недостроенной ТЭЦ, первая очередь которой выпускала в небо черные клубы дыма. С противоположной стороны недалеко проходила магистраль железной дороги. Поблизости от «Красмаша» была платформа, где останавливался пригородный поезд, именовавшийся народом кратко: «ученик». Между железной дорогой и ТЭЦ ничего не было...

С тоской и безнадежностью смотрел я на серое небо, серую грязную дорогу, на серые горы вдали и, казалось, не поблагодарят нас за это неуютное место люди, которым придется здесь работать. Но черные клубы ТЭЦ, водокачка соседнего завода, гудки паровозов вселяли другое настроение. Обжить это место казалось нетрудным делом, а побыстрее ввести в действие проектируемый завод именно здесь реальностью...

Впоследствии И.Я.Башилов мне говорил: «Зачем вы не выбрали площадку для завода в Минусинском крае? Там и климат лучше, и природа богаче. Людям там жить легче. Енисей течет и там». Пришлось отвечать, что Красноярск был выбран правительством, а не комиссией. Для этого

были соображения весьма основательные, заключающиеся в том, что в Красноярске должны были базироваться многие новые промышленные предприятия. Строительство и быстрый пуск такого промышленного куста дешевле и экономически выгоднее для страны...»

И если Орест Евгеньевич Звягинцев с календарной точностью не обозначил тот день октября 1939 года, когда была поставлена точка в выборе площадки, то поднятые из архивов документы совершенно определенно называют другую дату. **11 ноября 1939 года исполком Красноярского городского совета специальным постановлением оформил отвод земельного участка размером 15 гектаров для промышленного и жилищного строительства аффинажного завода...**

Наивно предполагать, что это событие как и все последующие, связанные с историей «Красцветмета», было как-то увековечено центральной или краевой прессой. Ни слова, ни строчки, ни даже косвенного упоминания о зачатии важнейшего для страны предприятия. Вошедший, как говорится, с первых пеленок в непроницаемую систему НКВД, завод сразу же попал под плотное покрывало полнейшей неизвестности, и оставался «объектом не для печати» на протяжении еще нескольких последующих десятилетий. Первые

упоминания о «Красцветмете» стали появляться на страницах газет, в теле- и радиопрограммах лишь в самом конце 80-х годов минувшего столетия. Считаю, через полсотню лет после получения заводом «прописки» на Красноярской земле. Кому-то где-то стало вдруг ясно, что свои секреты необходимо иметь, но используя для этого не застарелый, гулаговский, а мировой опыт. Когда о предприятии известно все или почти все, включая и историю его появления, а секретность начинается лишь там, где речь заходит о технологиях.

И еще об одной, на мой взгляд, весьма существенной детали. Так принято у россиян, да и у некоторых других народов, обычно вскоре после рождения каждый младенец получает не только имя, но и право всю дальнейшую жизнь пользоваться именем того, кто стал источником его зачатия. Хотим мы того или не хотим, историю не перепишешь. Отцом, рожденного в Красноярске завода, был ГУЛАГ, а матерью его стала Наука. Так что, как бы ни называли в разные времена «Красцветмет», я убежден, что по отчеству своему он навсегда ГУЛАГОВИЧ. И слава Богу, что настало время, когда это не нужно замалчивать, хотя бы ради того, чтобы завод был признан вечным памятником тем, кто, находясь в его зоне под дулами сталинских автоматов, бесчисленно отдавал созидаанию

лучшие свои годы, а то и жизни. Да и нет на территории предприятия до сих пор ни памятной стелы, ни мемориальной доски, ни каких-то иных уважительных по отношению к предкам-металлургам атрибутов. Только загнанный в тесноту трех комнат заводской музей и может поведать о прошлом, но он, как мне показалось, чаще всего используется лишь как место встречи ветеранов. Для посещений же «с улицы» он закрыт, а из десяти опрошенных мной молодых работников «Красцветмета» лишь один честно признался, что «несколько раз собирался зайти», но все времени не хватает, так как после окончания рабочего дня «надо успеть на служебный автобус». Остальные о музее даже и не слышали...

В центре Норильска, на Гвардейской площади, хоть закладной камень установили, пообещав возвести в этом месте памятник тем, кто создавал основу комбината и чудо-города. Лет 20-25, пожалуй, уже прошло... А глыба та по прежнему не только «хорошо стоит» под окнами дирекции комбината, но, надо полагать, уже и «корни пустила», а памятник все так и не готов сменить ее на этом посту не очень-то почетного, по сути своей, караула. Что-то с памятью у нас стало...

4. ПО ОТЧЕСТВУ «ГУЛАГОВИЧ»...

Одной из подлинных святынь «Красцветмета» является вознесенный на самый верхний этаж в новом здании заводоуправления архив предприятия. Он многое «знает» и, надо полагать, практически все «помнит». Четкий порядок стеллажей в центре просторного помещения и вдоль его стен. Ряды полок, на которых, словно наслоения истории, стоят шеренгами и уложены в хронологической последовательности бережно переплетенные фолианты, хранящие «дела минувших дней». И может быть официальные «преданья» эти еще не от «старины глубокой», но ценность каждого пожелтевшего от времени документа с уходом в прошлое очередного года становится все более притягательнее.. Особенно это остро ощущаешь, когда, находясь в помещении архива, бросишь через его широкие окна взгляд на участок современной заводской территории, где все и начиналось...

Первые «Приказания», «Распоряжения», «Приказы» по строительству... Многие из них нанесены на бумагу из школьных тетрадей рукописно, чаще всего почерком очень рано повзрослевшего пяти- или шестиклассника, который

явно успешно справлялся с заданиями на уроках чистописания. При просмотре документов невольно фиксируешь и то, что почти все они оканчиваются не только подписью руководителя, но и обязательной для тех «зарешеченных» лет фразой, к примеру, «настоящее приказание ввести в жизнь. Приказание зачесть во всех бригадах». А то и, «ознакомить под роспись...»

ПРИКАЗАНИЕ № 183

3.03.1941

по отдельному лагпункту Енисейлага НКВД

...за хорошее и добросовестное исполнение пьесы «Таланты из глубин» и муз. концерт 2.03.41г. в клубе объявляю благодарность с занесением в личное дело (далее названы фамилии 11 з/к).

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 136

5.03.41г.

За пьянство и половую связь с женщинами бригады сапожной мастерской з/к Игнатенко А.И. с работы снять и перевести на общие работы...

ПРИКАЗАНИЕ № 233

21.05.41

по 2-му строительному району Енисейлага НКВД

Каждый лагерник, осужденный за какое бы то ни было преступление, должен не забывать, что он искупает свою вину перед Советским государством. Он должен помнить, что его ждет семья после честного отбытия срока, исправившегося, полноправного советского гражданина, а не разгильдяя, хулигана и бандита...

ПРИКАЗАНИЕ № 279

1.07.41г.

Продолжительность рабочего дня з\к со 2 июля 1941г. Устанавливается с 7 час.30 мин. утра до 20.30, перерыв на обед с 13 до 14 час.

Подъем – в 5.30, отбой в 22.30. В июле установить 2 выходных дня 13 и 27 числа...

ПРИКАЗАНИЕ №315/1

1.08.41

На основании телеграфного распоряжение зам.наркома НКВД т.Завенягина от 24 июля 1941 года № 30/7631/012, сего числа вступил в исполнение обязанностей начальника управления лагерем и строительства Красноярского аффинажного завода.

И.о.нач.упр.лаг. и строительства

аффинажного завода Голованов Ю.Н.

А вот лишь некоторые эпизоды тех дней, взятые из приказов по строительству завода:

«Шофера гаража Обрядову Любовь за невыход на работу 29,30 декабря 1941 года отдать под суд как за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25.04.40 г.»

«22 декабря 1941 года бригада заключенных в количестве 22-х человек ввиду несвоевременной подачи машины в карьер прибыла в зону лагеря с опозданием на 7 часов. В результате чего 12 заключенных были обморожены...»

«Воспретить начисление премвознаграждений бригадирам бригад, имеющих среднесуточную

производительность труда ниже 100%, за исключением бригад слабосильных и штрафных...»

«Ввести с 27 января 1942 года, как правило, доставку горячей пищи в обеденный перерыв на места работы. Установить обеденный перерыв с 13 часов до 13.час.30 мин. Обед выдавать по бригадам только з/к выполняющим индивидуальные нормы на 100% и выше...»

«... заключенный столяр Бухтаров внес ряд рацпредложений в БРИЗ: двухсторонний отборник для оконных переплетов заменил два инструмента и увеличил производительность в 10 раз... ПРИКАЗЫВАЮ: премировать з/к Бухтарова пятьюдесятью рублями с занесением в личное дело...»

«В ознаменование Международного коммунистического женского дня, отмечая отличившихся на производстве и примерное поведение в быту, женщинам-заключенным (названы семь фамилий) объявить благодарность и каждой отпустить из ларька продуктов на сумму 15 рублей (колбасы, пряников, мыла, ниток...))»

«К 20 апреля моему заместителю, старшему лейтенанту госбезопасности тов. Аркалбалсту представить мне кандидатов из числа отличников на возбуждение ходатайств перед наркомом внутренних дел о снижении сроков наказания или досрочном освобождении из лагеря...»

«Для обеспечения лаграселению сна восемь часов в сутки ПРИКАЗЫВАЮ: с 17.04.42 установить следующий распорядок дня в лагере строительства аффинажного завода. Подъем - 5 часов. Отбой – 21 час. Начало работы на производстве – 7 часов...»

В те же дни красноярские газеты сообщали:

- О начале в городе борьбы с расточителями эл.энергии. «Запретить пользование электролампочками свыше 16-ти ватт для лестничных площадок, коридоров, уборных. Чайниками, эл.плитками и утюгами разрешено пользоваться в часы наименьшей нагрузки сетей..
- О том, что исполком крайсовета принял решение о средствах на проектно-изыскательские работы, а также утвердил заказчика по постройке моста через Енисей в Красноярске в створе улицы Вейнбаума (мимо музея) или в створе ул. Сурикова. (Мост этот, первая городе

капитальная автопереправа, начал действовать лишь спустя почти 20 лет – автор)

О прибытии в Красноярск первого эшелона с оборудованием завода «Красный профинтерн», эвакуированным из Бежицы.

О том, что на предприятиях «Минусазолото» женщины, овладевая мужскими профессиями, работают бурильщиками, машинистами электровозов, помощниками забойщиков, грузчиками... Выполняют норму до 135 процентов.»

А теперь переместимся в заводской музей. Читая и перечитывая собранные здесь воспоминания ветеранов «Красцветмета» я воспринимал многие из них как исповеди. Они наполнены тем, что люди уже давно хотели высказать, дабы разгрузить душу в назидание потомкам. Но это было запрещено. Поступая на завод, все они давали подписки о «неразглашении». Юридический срок этих подписок, наверняка, уже давно истек, но таков наш «простой советский человек» старой закваски, он и в новые времена толком не знает, где кончается секретность и начинается дозволенность. Думаю, именно по этой причине некоторые

воспоминания наполнены лишь общими словами и самыми ходовыми в те годы газетно-трескучими фразами. И не ради упрёка в адрес почтенных ветеранов пишу я об этом, а чтобы высказать свое полное горечи сожаление. Затуркали в те годы людей до полной шизофрении. Даже теперь, когда многое стало «можно», над некоторыми стариками все еще словно нож гильотины, нависает железное «Ни-зя-яя!» А по ночам им, наверняка, снятся вездесущие оперы и цеховые «стукачи», которых при сооружении завода, говорят, было великое множество. Такое, вот, было время. Остатки его все еще неизлечимы и в наши дни.

Читая и перечитывая написанное ветеранами, я попытался с помощью фраз, взятых из их воспоминаний, воссоздать обстановку тех лет, когда на завод должен был приехать И.Я.Башилов и другие светила химико-металлургических наук, отловленные ГУЛАГом по всей стране великой.

А.Н. БЛИННИКОВА:

Мне на всю жизнь запомнился день, когда нас из Назаровского района привезли на завод. Это было 3 декабря 1942 года. Из окон вагоны мы увидели огоньки на пустыре. Нам сказали: «Это и есть ваш завод». Огоньки казались где-то вдали. Нас выгрузили на

платформе, а рядом были наши бараки. Наутро, когда мы пошли на завод, то это оказалось совсем рядом, через полотно железной дороги. Завод наш – всего два здания, которые обнесены забором. В цехах еще ничего не было, только работали заключенные. Мы убирали мусор, проходили техминимум. Я сдала его на «отлично», и мне присвоили 8 разряд аппаратчика... Мне никогда не забыть нашего первого директора (начальника завода) М.И.Гутмана и его слова на собраниях, которые тогда проходили в заводской столовой. «Любимые мои девушки, - говорил он, - Не огорчайтесь, что сейчас вы живете в бараках и ходите в ватниках. Поверьте мне, вы еще будете жить в высотных домах. А главное – у вас будут ванны и теплые уборные. А ваши дети будут ходить в ясли и садики, которые мы построим для них». Ну, мы тогда, конечно, смеялись до слез. Нам было по 18-19 лет. А сейчас все это сбылось...»

А.А.РОМАНКЕВИЧ:

Весь наш класс, не успев сдать выпускные экзамены, был мобилизован на Красноярский завод п/я 121. Нам выдали комсомольские путевки и на грузовой машине доставили в отдел кадров завода. Его территория

представляла собой строительную площадку, где в основном работали заключенные. Среди них были и уголовники, и политические. Работали днем и ночью. Кругом военизированная охрана. Ночью на смену ходить было страшно и до завода, и по его территории. Все перекопано, везде канавы, траншеи, кучи земли, переходные трапы, освещение слабое... Нас предупредили, что с завода нельзя уволиться ни по какой причине. Нельзя опоздать или не выйти на работу. За это – тюрьма, и такие случаи были.

Тогда начальником завода был Гутман. Он о нас заботился как отец родной, а мы его за глаза так и называли «папа Гутман». Уж очень он нас опекал. Видно было, что жалел наше еще неокончившееся детство, нашу юность. Те, кто был мобилизован на строительство из ближайших районов, старались привозить свои продукты, в основном картофель и капусту. Ехать нужно было на поезде, а билеты достать невозможно. Приспособились показывать выданные нам пропуска с отметкой "«НКВД"» А это значило – Берия. По этим пропускам и ездили, никто не задерживал.

З.П.БАЛАШОВА (КИШУКОВА):

Мы убирали мусор и караулили лампочки, чтобы их не выкручивали заключенные... В бараках, где мы жили, помню, было очень холодно. Их построили зимой и не успели утеплить. Дров и угля было мало, приходилось воровать у тех, кто был побогаче. Иногда мы умудрялись ночевать в цехе, устраивались где-нибудь за баками, но зато в тепле.

В качестве спецодежды нам давали солдатское нижнее белье, рубашку и кальсоны из белой ткани, они очень часто приходили в негодность. Так что работали с оголенными коленями. С обувью тоже была проблема, только резиновые сапоги 43 размера. Легче было тем девочкам, которые были побогаче, они работали в своей обуви. Диэлектрические перчатки не гнулись, отчего наши руки были в нарывах и ранах. Душевых первое время не было, гардеробов – тоже. Вся наша спецодежда хранилась в общей куче на полу. Так что, кто первый придет, тот и наденет, что покрепче и поцелей. У меня был такой случай. Мне не досталось брюк и пришлось вместо них надевать вторую куртку. Представляете, какой наряд! Смеху было!

Е.П.ПРОКОПОВИЧ:

Помню, через день после поступления на работу наш мастер Мариам Берковна (жаль, фамилию забыла) повела меня и Катю Савоськину (Максимову) показывать цех. Это была очень пожилая женщина. На голове у нее был самодельный берет из серого шинельного сукна, а из-под него торчали редкие седые волосы. На ней было надето что-то очень непонятное, все в узелках, в ленточках, в скрепочках и резиновые сапоги на босу ногу. Когда она шла, лохмотья на ней разлетались в разные стороны. Ведет она нас, а мы все смотрим только на нее, и плохо понимаем, что она нам рассказывает. «Сюда, - говорит, мы ловим растворы». А нам непонятно, для чего их надо «ловить». «А теперь мы их сольем», - сказала она и подошла к ловушке с ведром, а мне крикнула: «Включай! Открой кран. Дай вакуум...» А я все перепутала, и дала «воздух». Сильным напором раствора ее сбilo с ног. Она что-то кричит, а я с перепуга ничего не могу понять, и не знаю, где и что следует закрыть. Я заплакала. Мариам Берковна поднялась, вся в растворе, без берета, без сапог, в мокрых своих лохмотьях. «Не реви, - говорит мне. – Это тебе – наука!» Да, это был урок на всю жизнь. С тех пор я никогда не касалась тех кнопок, которых нельзя касаться. А позже наша спецодежда

превратилась в такие же лохмотья, как у Мариам Берковны. Мы ведь серную кислоту ведрами таскали, растворы переливали руками. Так что и руки и даже животы наши были в болячках от растворов. Посторонние люди всегда с подозрением поглядывали на наши руки, а мы не знали, куда их девать...

А.А.РОМАНКЕВИЧ:

Завод только начинал подготовку к пуску. Оборудование было кустарное, техники безопасности не существовало. А работать приходилось с горячими кислотами, спеками, плавильными печами. Вытяжки и вентиляции не было, все опробовалось, и сроки на все – минимальные. Трубы с кислотами, проведенные поверху, протекали, кислоты капали на головы. Ходили мы с зелеными волосами, с изъеденными руками, в прожженной одежде, которая больше походила на лохмотья. Цехом руководил молодой инженер Юрий Дмитриевич Лапин, и при его появлении многие из-за такой одежды прятались... Были слезы, боль, обида, но деваться некуда: на войне, как на войне. Нас, десятиклассниц, брали на завод для работы в ЦЗЛ. Но пока лаборатория строилась, мы работали в цехе, с которого и начался завод... ЦЗЛ начиналась с одной комнаты, в которой работали 8-10 человек вместе с

руководителем лаборатории Елизаветой Алексеевной Шансон, эвакуированной из Ленинграда. Рядом с нами и находилась опытная установка. Мы делали анализы для тех, кто работал на этой установке, там постоянно была дымовая завеса от кислот и «царсководочных» растворов. На этой установке и была получена первая продукция. Это было событие!

А.Н.БЛИННИКОВА:

Когда мы получили первую продукцию, первые ее граммы, мы все ходили именинниками. Я и много позже, когда с 1950 по 1958 годы работала уже старшим мастером, много рассказывала своим рабочим про первые граммы, сравнивая их с теми, что мы стали получать позже.

Так уж получилось, и этот факт оставил свой след в истории завода, что рожденная в муках опытная установка уже по прошествии ровно трех месяцев с момента начала ее эксплуатации вполне созрела для выдачи первой продукции. Легко сказать – не просто сделать. Можно только догадываться о том, сколько напряженных дней и бессонных ночей провели подле установки те, кому было поручено работать на ней. Сколько неизбежных в таких

случаях ошибок было совершено, пока наконец-то не начала возникать едва ощутимая взаимность между агрегатом и людьми, пытавшимися не просто оживить «железяку», а исполнять то, что требовалось.

Увы, толстые подшивки приказов по заводу того периода, как и положено документам подобного рода, не имеют ни малейшей эмоциональной окраски. По существующей традиции они строги, лаконичны, свободны от излишеств и, не в обиду будет сказано, даже заметно равнодушны по отношению к тем, кому суждено их прочесть через несколько десятков лет. Наверное иначе и не могло быть и по законам «жанра», и по требованиям военного времени, и, наконец, согласно действовавшим в НКВД порядкам.

Не отмечен в приказах и сам факт получения первой продукции, ни поздравлениями, ни намеком, что такое событие произошло. Наверное тогда оно было, хоть и радостным, но все же рядовым, текущим в непрерывной череде проводившихся экспериментов. Ни банкетов, ни пышных презентаций «по случаю», что так типично для наших дней, явно, не проводилось. Ну, может быть, как говорится, в узком кругу, по-семейному, кто-то и поднял тогда наполненные самогоном или спиртом рюмки, и пожелал новых побед над врагом, наверное, здоровья

товарищу Сталину, самому заводу и его тогда еще не созревшему коллективу.

Такое обязательно могло быть по неписаным законам нашей страны, которые во все времена ее истории соблюдались с нерушимой святостью. И лишь двадцать лет спустя, как утверждают некоторые документы и ветераны, в 1963 году, день получения первой продукции обрел наконец-то официальный статус исторического для судьбы завода дня, став узаконенной датой его рождения.

Как тут ни вспомнить, что воистину, «большое видится на расстоянии». К примеру, Бастилия, исторически известная государственная тюрьма в Париже, была взята штурмом восставшим народом 14 июля 1789 года, и лишь спустя почти 100 лет этот день был объявлен во Франции общенациональным праздником. Как говорится, «лучше поздно, чем...» Ну, далее, известно.

А теперь обращаю внимание еще на два обнаруженных мной в архиве документа.

«...назначить Башилова Ивана Яковлевича научным руководителем исследовательских тем научно-исследовательской лаборатории завода с окладом содержания 1.600 рублей в месяц с 1 августа 1943г....»

«За выполнение и перевыполнение взятых социалистических обязательств к 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции и высокое извлечение металлов премировать ордерами (именно «ордерами», а не орденами – авт.):

- Тов.Селиверстова Н.С., начальника цеха – на кожаное пальто.
- Тов.Заиграеву, нач.отделения обогащения – на платье и туфли.

За высокое качество контроля и успешное проведение ряда научно-исследовательских работ премировать тов.Башилова И.Я. профессора – орденом на кожаное пальто...»

Именно последний пункт этого приказа, в котором все еще действующий «враг народа» Башилов, думаю, ошибочно, впервые был официально назван «товарищем», и откроет нам «двери» в следующую главу книги.

5. ПЛАТА ЗА ПЛАТИНУ

Однажды хозяйка заводского музея Любовь Павловна Бомбакова вручила мне московский адрес и номер домашнего телефона сына Башилова, Владимира Ивановича. Причем возможность сделать это, как я понял, появилась совершенно неожиданно, и для нее, и, тем более, для меня. Все предыдущее время о родственниках ученого были известны довольно противоречивые сведения. Кое-кто из заводских ветеранов, к примеру, утверждал, что семья Ивана Яковлевича все время его жизни в Красноярске оставалась в Москве, и что к 1997-98 г.г. в живых от нее никого не осталось. Получалось, что 10 лет своего пребывания в Сибири Башилов провел в одиночестве, а одна почтенная дама «осведомленно» заметила, что ученый завел здесь новую семью. Словом, как я начинал постепенно понимать, многие сведения о Башилове существовали заметно отстраненно от достоверности. И может быть в какой-то степени моя настойчивость в поиске свидетелей и свидетельств и вывела однажды хранителей истории завода на младшего Башилова, что лично я воспринял как крупную удачу.

Москва.

Апрель 2000 года

- Владимир Иванович, расскажите, пожалуйста, о своем отце. Каким он был?

Задав этот вопрос сыну Башилова, я включаю диктофон и терпеливо жду. Стандартная для России квартира находится в огромном жилом доме на улице Удальцова. Она соединяет две наиболее оживленных параллельных столичных магистрали, проспекты Вернадского и Ленинский. Худощавый, среднего роста мужчина энергично ходит по комнате, потом, закулив очередную сигарету, садится в кресло. Моему собеседнику 68 лет. Он профессиональный геолог. Работает в государственном научно-производственном предприятии «Аэрогеология». Бросив короткий взгляд на один из фотопортретов отца, которых на стенах и на книжных стеллажах оправданно много, он начинает негромко говорить.

- Иван Яковлевич был добрейшим человеком. Все, кто знал его, уже при первой встрече проникались к нему уважением. Поверьте, иных мнений я не слышал и говорю вам это с максимальной объективностью. Сама его внешность была не совсем обычна. Огромный лоб, очень

красивое, с утонченными чертами лица. Ошибиться в его интеллигентности и уме было невозможно. Он умел прекрасно говорить и был превосходным лектором, с первых слов устанавливая полнейший контакт, скажем, со студентами. А вот принимать у них экзамены по билетам не любил, убежденно полагая, что в таких случаях они списывают все со шпаргалок. Он просто усаживал каждого перед собой, и они беседовали на определенную тему. Причем он очень многим при этом помогал. И еще одна деталь его внешности. Он был похож на Ленина. Борода, подвижность, отдельные жесты. Однажды в метро его остановили какие-то совершенно незнакомые ему люди, и предложили сняться в роли вождя мирового пролетариата. Он отказался. Какое-то время эти люди вновь и вновь встречали отца и напоминали о своем предложении. Но он был непреклонен. Они отстали от него, как говорил отец, лишь после того, как узнали, что он ученый. Наверное это были киношники со студии «Мосфильм».

- Иван Яковлевич старался быть вне политики?

- Однозначно на этот вопрос ответить невозможно. В дореволюционное время, в годы своей студенческой молодости, он относил себя, как мне известно, к партии эсеров. Был знаком с Вячеславом Михайловичем Скрябиным, который позже, стал близким к Сталину

человеком и обрел известность как Молотов. В те же годы он состоял в партии коммунистов-большевиков. Позже он возглавлял Совет Народных Комиссаров, правительство СССР, а в годы войны был министром иностранных дел. Известная и достаточно мрачная личность в истории страны. Говорят, что отец по-молодости несколько раз дискутировал на революционные темы с Молотовым, но не более того. Когда же произошла революция, отец полностью отошел от политики, погрузившись в научную деятельность. Кстати, он так увлекся ею, что сумел получить диплом политехнического института в Питере много лет спустя после поступления в него. К тому моменту им уже были открыты первые в стране соли радия, а чуть позже урана и ванадия. Он возглавил радиевый завод. А ученая степень доктора технических наук была присуждена ему без защиты диссертации. Это произошло в 1937 году.

- А что, на Ваш взгляд, могло стать поводом для ареста доктора Башилова?

- Элементарный донос. Это был весьма популярный в те годы «жанр». Очевидно кто-то в окружении отца испытывал жгучую зависть к его успехам, к его стремительной карьере. Кто был автором доноса, к сожалению, навсегда ушло в землю. Позже отец мне

рассказывал, как, уже став «зэком», он мучительно перебирал в памяти факты собственной биографии, пытаясь найти тот, который мог быть использован недругами в качестве повода для доноса. При его кипучей жизни их было много. Скажем, могли припомнить, что в свое время он поддерживал позиции партии эсеров. Позже, наивно сославшись на большую загруженность наукой, он отказался вступить в ряды партии коммунистов-большевиков. Побывал за границей – значит мог стать шпионом! Не захотел играть роль Ленина... Какой из этих фактов был использован в НКВД как повод для ареста он, разумеется, так и не узнал. А может быть они все были под прицелом, как говорится, по совокупности...

- В момент ареста отца Вам было уже 6 лет. Вы помните, как это происходило?

- Лишь отрывочно. Его взяли очень ранним утром 22 августа в деревне Никулино. Это в Подмосковье, между станцией Истра и Новым Иерусалимом. Здесь наша семья обычно проводила лето. Я проснулся от шума. Отец подошел ко мне и сказал: «Спи, спи... У нас просто проверяют паспорта». Такое иногда происходило. И только на следующий день я узнал, что отца увезли. Мы сразу вернулись в Москву и увидели, что в нашей квартире учинен настоящий погром. Помню, отец азартно

коллекционировал бумажные деньги. Поэтому после обыска весь пол был усыпан различными купюрами. Многая мебель была поломана. А вот этот письменный стол отца выжил. Теперь я за ним работаю. Очень хороший и удобный стол. Сохранились и следы взлома его ящиков.

Какой ордер, какие понятые! Тогда все это не требовалось, да и обыск происходил в наше отсутствие. Дверь просто высадили... Если судить по рассказам отца и моей мамы, то как ученый-металлург отец после ареста стал работать в одном из Ухтинских лагерей лишь в начале 1940. До этого он долгое время был землекопом, сторожем, что очень тяготило его... Когда маме в том же году разрешили навестить в лагере отца, он уже жил в отдельном домике и работал исключительно как специалист...

Избранные места из писем И.Я.Башилова, многие из которых, так и остались безответными.

«Председателю Совета народных комиссаров СССР В.М.Молотову от Башилова Ивана Яковлевича, инженера-металлурга, профессора технологии редких и радиоактивных металлов, доктора технических наук,

6 мая 1939г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Оказавшись неожиданно по воле сложившихся обстоятельств в крайне тяжелом и совершенно незаслуженном положении, считаю необходимым обратиться к Вам и как к главе Советского правительства, и как к лицу, которое меня знало в прошлом.

С 1919 года я беспрерывно работал по технологии радия и редких металлов. Имею в этой области общепризнанные крупные заслуги, отмеченные приказами по ВСНХ, НКТП и в соответствующей научной литературе. В отношении радия я имею право утверждать, что весь добытый и добываемый в СССР радий получен либо лично мною, либо в основном и главном по новым и оригинальным способам, предложенным и разработанным мною. Никогда никакой борьбы против Советской власти я не вел, будучи органически связан с нашим великим строительством, давшим мне средства и силы для новаторской научно-практической работы. Отсюда безвозмездная передача мною всех своих изобретений и работ нашей промышленности, начиная еще с 1921 г.

За эти двадцать лет мне приходилось не раз выдерживать борьбу с рутинерами, завистниками и несомненно просто с врагами народа, осложнявшими мою работу, но вера в конечный успех дела помогла мне переживать эти неприятности, считая их временными и не придавая им большого значения. В частности, за последние три года жестокой атаке подвергалась моя работа по Табошарскому опытному радиевому заводу, который мне тем не менее удалось довести до промышленного масштаба, но развитие которого было задержано в результате «специальной комиссии Главредмета», составившей осенью 1937 года. Явно тенденциозный акт, содержащий в отношении меня

даже прямую клевету. И только через восемь месяцев после особого приказа по НКТП от 1/У1-38 это дело было пущено вновь, так как логика самой жизни отмела ряд выводов указанной комиссии и доказала мою правоту. Однако буквально накануне подведения итогов своих работ, успешного завершения всех моих начинаний на Табошаре и Майла-Су в Ср. Азии и по радиеносным водам, работ, которые несомненно открывают перед радиевой промышленностью Союза крупнейшие перспективы, 22/УШ-38г. я был арестован. Это обстоятельство и крайне тяжелая обстановка следствия совершенно дезориентировали и довели меня до глубоких нервных и

психических травм, которые помешали мне защищаться. Попытки мои добиться приема у наркома или доверенных помощников не дали результатов. Фактический обвинительный материал мне был предъявлен только в конце следствия и оказался по существу вздорным. На мой взгляд, мне удалось ссылками на фактические данные его опровергнуть и доказать в ряде моментов его чисто клеветнический характер. Но постановлением ОСО НКВД от 14/П я «за вредительство и участие в антисоветской организации» был приговорен к пяти годам исправительных лагерей и с 25/П нахожусь на Котласском пересыльном пункте. Помимо поданных мною на имя наркома вн.дел СССР еще во время следствия заявлений, в которых я стремился привести данные в свою защиту и добиться более внимательного к себе и к своему делу отношения, 8/1У-39 года я через управление Котласской базы ГУЛАГа НКВД подал жалобу Прокурору Союза с просьбой отмены приговора, исключительно жестокого по своей незаслуженности. А сейчас позволю себе напомнить о себе Вам, ссылаясь на личные встречи по б. С.-Петербургскому Политехническому Институту. Дело в том, что в протоколе Особого Совецания от 14/П-39 г., наряду с указанием моей специальности, было отмечено, что с 1913 по 1917 г. я был в партии С.-Р., и у меня возникло предположение в тщетных попытках найти

причину всего случившегося со мной, что не в этом ли обстоятельстве заключается разгадка. И мне хочется напомнить Вам, что во времена своей юности я не был сколько-нибудь одиозной фигурой, и, что Вы лично не только беседовали со мной по вопросам, связанным с жизнью руководимой Вами группы марксистов, но и приглашали меня, единственного из посторонних, на собрания Вашей группы, как это было при обсуждении отношения к войне 1914 г., когда моя личная позиция в этом вопросе полностью совпадала с позицией передовых большевиков. Поэтому известная Вам моя юношеская деятельность вовсе не была, очевидно, таковой, чтобы неизбежно привести меня к преступной борьбе с Советской властью в эти последние годы. И я думаю, что Вы согласитесь, что вменять мне в вину недостаток политической прозорливости тогда так же нелепо, как и обвинять во вредительстве человека, творческая мысль которого и активная работа которого занимают столь почтенное место нашей новой и передовой советской радиевой промышленности.

Я понимаю вполне, что в великой тревоге за безопасность Страны Советов в период разгрома вражеских заговорщиков мог быть захвачен всплесками шквала борьбы и я, но я не могу допустить, чтобы это продолжалось длительное время и привело меня к

уничтожению как полноценного работника, активного участника великой социалистической стройки! Поэтому прошу Вас как главу Советского Правительства хотя бы несколько вмешаться в мое дело для скорейшего восстановления истины и прекращения того положения, когда человек, целиком преданный своей работе, имеющий совершенно реальные крупные достижения в ней, волею слепых обстоятельств и, я не сомневаюсь в этом, происками тупых и злобных перестраховщиков и мракобесов был насильно от этой работы оторван и вместе со своей семьей был поставлен в исключительно тяжелые условия.

Версия следователей НКВД, что все положительное, что я дал нашей промышленности, является маскировкой хитрого и злобного врага, в данном случае явно абсурдна. Почему, спрашивается, я не мог, если был действительным врагом Советов, не соваться в гуцу научно-практических проблем, в которых заинтересован наш Союз, и «эмигрировать в науку», уйти в отвлеченные и бесконечные опыты и исследования, которые под знаком самой высокой научности оказывались бы бесплодными для построения новой науки и борьбы за социализм.

Я позволю себе обратить внимание на все эти несообразности потому, что они, мне кажется, при

самом поверхностном взгляде, но с учетом всех сторон дела, говорят о каком-то большом недостатке и даже пороке в следствии и в решении по моему делу. И я прошу Вас оторвать от меня руку подлинного врага, который, видимо, тонко и умело воспользовался великой тревогой в нашем социалистическом государстве и фактически выбил сейчас меня из списка живых. Я прошу Вас обратить внимание на дело радия в СССР, этого «великого революционера в науке», по выражению, поддерживавшемуся В.И. Лениным, и именем Великой Сталинской Конституции вернуть меня к активной работе и к моей семье, положив конец тяжелой судебной ошибке!

*И.В.Сталин и Вы не раз подчеркивали важность и необходимость оценки людей по их реальным делам – **ПОСМОТРИТЕ ЖЕ НА МОИ ДЕЛА!** Они, несомненно, говорят за меня, мои ошибки юности прошли бесследно, ибо ни с эссерами, ни с какими другими антисоветскими группировками я за все время Советской власти никаких связей не имел и не мог иметь, найдя свой собственный и полезный для СССР жизненный путь, который целиком связывал меня с нашим социалистическим строительством и полностью меня захватывал! Вся моя жизнь и открыта, и, по существу, очень проста.*

В случае необходимости по первому Вашему требованию я готов по всем затронутым в настоящем письме вопросам дать развернутые разъяснения и соображения.

*Г.Котлас Архангельской области. Перевалочный пункт
ГУЛАГа НКВД*

*Б.студент-металлург Петроградского Политехнического
института И.Башилов»*

Из письма в ЦК ВКП(б)

«...чувствуя себя совершенно невиновным в приписанных мне преступлениях, я обращаюсь с просьбой помочь скорейшему восстановлению истины в моем деле и дать мне возможность работать в полную силу, как того требует Советский Союз и его великие, огромные задачи...

Я прошу вас просмотреть шаг за шагом мой путь и мою деятельность, и я прошу вас предать меня суду, который бы мог совершенно беспристрастно и строго подвергнуть рассмотрению мое дело. И я уверен, что только реабилитация моей деятельности может быть решением этого суда!»

«8 июля 1940 г.

Здравствуйте, мои дорогие! Последнее письмо я недавно получил от Лели, от ЗО/У. До этого была открытка от мамы и письмо общее от начала мая. Это меня очень волнует и угнетает... Вы можете писать хоть каждый день. Многие здесь получают сразу по несколько писем раза 3-4 в месяц! Я имею право писать один раз в месяц, что и делаю теперь очень исправно, отправляя вам письма каждый месяц между 12 и 15.

Вы пишете, что бабушка ждет от меня письма, но знает ли она мое настоящее положение? Без этого я даже не знаю, как ей написать. Здесь опять стали очень редко освобождения – очень многие получают отказы на свои жалобы. Не знаю, что и как будет дальше. Надежду потерять прямо страшно.

Вместе с этим письмом посылаю копию жалобы на имя Прокурора Союза. Короче, лучше, чем написано, написать не сумел. Делайте с нею, что найдете нужным.

Очень прошу маму помочь одному нашему сотруднику, который очень хорошо ко мне относится и многое сделал для облегчения моего состояния, показаться хорошему доктору-специалисту. Заболевание у него тяжелое, на мой взгляд, ему трудно в этом непривычном для него

климате... Надо ему во что бы то ни стало помочь хорошим медицинским советом...

Даже Августа (сестра Ивана Яковлевича – авт.) не черкнет ни строчки... Или и она теперь уверилась, что я мог, убиваясь на работе, забывая ради нее про все на свете, даже самое близкое и дорогое, мог другой рукой подкапывать яму под это дело, под свое дело, под самого себя, под все, на что надеялся, чем жил и что коренным образом сближало меня с теми возможностями жить по разумному основанию, что было заложено в основу Советского правопорядка?

Это письмо я посылаю с оказией и поэтому во избежание неприятностей каких-либо лучше будет, если вы его уничтожите.

Как я писал вам, на зиму у меня нет теплых рукавиц. Старые, которые я так любил, украли. Устройте как-нибудь их пересылку. Хорошо будет, если вышлите еще пару белья, так как тяжело надевать казенное. Если только все это не будет для вас обременительным и если злая судьба заставит проводить здесь зиму еще.

Боже мой! Знаете ли вы, как мне тяжело!

У тов., о котором я писал выше, заболевание м.б. на нервной почве. Не устроит ли мама его к Бурденко или

кому-либо из его помощников? С ним я послал еще вам 100 рублей. Ну, крепко всех вас целую. Я ведь помню и вспоминаю вас так часто и так больно...

Писать больше не могу – расстроился совсем...

8/УП вечер, лаборатория.

Без разрешения ехать сюда ни в коем случае нельзя. Хлопочите или, вернее, попробуйте похлопотать в Москве, но где, я этого не знаю. В ГУЛАГе – вряд ли...»

**Наркому Внутренних дел Союза ССР, члену
Государственного Комитета обороны Л.П.Берия.**

*От доктора технических наук, профессора
химии и технологии радия и редких металлов,
инженера-металлурга **Башилова Ивана
Яковлевича**, заключенного на 5 лет в
Ухтоижемском лагере НКВД по приговору
Особого Совецания при НКВД за
«вредительство и участие в антисоветской
организации» со сроком начиная с 21/УШ 38
года*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Перед тяготами и страданиями, которые в настоящее время переживает вся наша страна в результате

навязанной войны, несчастья, переносимые одним человеком и даже одной семьей, конечно, ничтожно малы. Поэтому обратить на них внимание руководящих органов Союза может показаться сейчас делом несвоевременным. Однако в моем деле имеются некоторые совершенно своеобразные обстоятельства, встречающиеся в жизни лишь очень редко. Это, я полагаю, и дает мне право рассчитывать на известное внимание даже теперь, при исключительном положении страны.

К числу подобных обстоятельств можно отнести прежде всего то, что присужденное мне «наказание» я отбываю в лагерях на том самом предприятии, первом и пока единственном в мире, которое добывает радий из ископаемых вод по способу, авторское свидетельство на который принадлежит мне. Этот, изобретенный мною способ я, подобно ряду других своих изобретений, отданных в нашу промышленность, передал с подробными инструкциями (также безвозмездно) ГУЛАГу ГПУ в 1929-1930 годах, и в делах лагеря и по сей час еще сохранились следы моей консультантской работы по постановке дела в первые годы работы этого промысла. В силу этого, помимо всего другого, я больше, чем кто-либо, чувствую тяжесть своего настоящего положения, не только выматывающего мои личные силы, но являющегося также

злой и тяжелой помехой той работе, которую я веду и которую я как специалист, хорошо знаю. Ведь не надо доказывать, что на положении заключенного, лишенного гражданского и политического доверия, значительная доля моих сил тратится на преодоление внешних и внутренних препятствий, прямого отношения к работе не имеющих. И это в тот момент, когда все силы должны быть в целеустремленном напряжении!

Правда, за те 2 ½ с небольшим года пребывания моего в здешнем лагере после приговора мне удалось провести несколько работ, в результате которых частью был изменен, а частью существенно усовершенствован производственный процесс здешнего предприятия в его наиболее важных стадиях. Я получал «лагерные премии» и представлялся даже к досрочному освобождению. Однако мои работы все-таки полного практического применения на промысле не получают. У меня не оказывается достаточно ни сил, ни средств для того, чтобы их надлежащим образом поддержать и развить. (...)

Мой арест был произведен буквально накануне начала работ специальной комиссии, избранной на заседании Отделения Естеств. наук Академии наук Союза под председательством Вернадского по моему докладу в конце июня 1938 г. В задачу этой комиссии входил

обстоятельный просмотр всего положения с радиевым делом в СССР, а в том числе и с моими работами, и составление специального доклада по вопросу дальнейшего развития и организационных форм этого дела. Несомненно, работы этой комиссии внесли бы полную ясность в оценку моих личных работ и полностью лишили бы почвы голословные обвинения меня во вредительстве. Таким образом, арест мой до работы этой комиссии не только не способствовал внесению ясности в радиевое дело, но несомненно очень повредил ему...

Я прошу Вас отменить как не отвечающее ни в какой мере истинному положению вещей решение Особого Совецания по моему делу и вернуть меня к продуктивной и творческой работе, к которой я пока еще способен.

Отдано нач. П части в 15 часов 6/У-42 г.»

Позволю себе заметить, что «перевоспитатели» из ГУЛАГа придавали, похоже, какое-то особое значение этому методу, когда ученый, разработавший какой-то новый технологический процесс, сам и внедрял его, но уже в качестве лишенного свободы. Наверное, это делалось для того, чтобы не было возможностей отвлекаться «по пустякам».

Из автобиографии

Ивана Яковлевича Башилова

«В условиях заключения я работал в лаборатории, где провел до 20 разнообразных исследований, часть которых послужила выяснению отдельных сторон процесса, а часть была полностью или частично внедрена в производство... В 1940 году предприятие впервые за ряд лет смогло выполнить план, так как благодаря моему предположению очень сильно обогатились получившиеся в производстве концентраты и тем самым очень сильно увеличивалась пропускная способность установок предприятия. За все эти работы постановлением Особого совещания в 1942 году мне был сокращен срок пребывания в лагерях на 6 месяцев. Однако в январе 1943 года я был переведен в другой лагерь того же района. А в апреле был направлен в Москву...»

Находясь в лагере и на этапах Иван Яковлевич Башилов делал краткие записи в своем карманном блокноте достаточно регулярно. Однако полностью дневник прочесть уже не удастся. Как свидетельствует сын ученого,

записи отца бесследно исчезли после смерти старшей дочери Башилова, Елены. Будучи в почтенном возрасте она одиноко жила в Москве и однажды умерла прямо на улице. Документов при ней не оказалось, и она долгое время неопознанной лежала в морге. А в это время ее квартира была разграблена. Вместе со многими вещами исчез и дневник Ивана Яковлевича. Но на страницах журнала «Химия и жизнь» сохранились очень важные, на мой взгляд, его фрагменты. По согласованию с сыном Башилова я и перепечатал их оттуда.

31/1-43. Этап на Крутую «по спецнаряду в неизвестность»

1/П-43. Лагпункт № 1. Никто ничего не знает. Никто меня не запрашивал... Позвонили на Кирзавод. Там вроде просят командировать именно туда.

5/П-43. Лагпункт № 6, «Кирпичный завод». Нимия Елизарович Палкин, Виктор Израилевич Цукеров. На опросе обокрал «комендант» из з/к – уголовник – завсегдаятай лагерей. Украл табак – единственное утешение!

9/П-43. Встречи со старыми знакомыми из РМЗ в Ухте. Безднадежность и все признаки особого лагеря для

подлежащих изоляции. Начинаю проявлять себя как химик, что нетрудно, ибо публика небогатая.

10/II-43. Кругом исключительно «блат». Изготовление дрожжей и с места в карьер успех... Все советуют пить дрожжи не стесняясь... Изобретение – термостат из двух бочек с набивкой бумаги и охлопков.

18/II-43. Паек – все хуже. Табаку нет, писем нет... Слабость усиливается даже несмотря на дрожжи.

22/II-43. Освобожд(ения) нет! Это ужасно!

4/III-43. Посещение вет.врача А.А.Прохорова в его лечебнице. Обилие лошадиного мяса и пироги с лошадиной печенкой. Лошади падают от бескормицы.

1/04-43. Получен пропуск за зону!

10/04-43. Бурдаков (нач.лагеря) сообщил о необходимости ехать в Москву на «большую» работу. Приказ: хорошо одеть...

12/04-43. Получил извещение, что освобождение откладывается до прекращения военных действий! Какой ужас!

20/04-43. В 7 часов утра в автобусе на Ухту. Густой мокрый снег. Путешествие по Ухте в поисках пересыльного

пункта. В 7 часов вечера водворен в барак для этаплируемых за пределы лагеря «вольных». Ожидание этапного, «стольпинского» вагона.

3/05-43. Посадка в «стольпинский» вагон – и на Котлас!

5/05-43. пересадка в вагоны на Киров.

6/05-43. Киров. Этап на пересылку, пешком с вещами...

Полное изнеможение... Лагерная больница.

18/05-43. Этап из Кирова в Нижний (Горький).

19/05-43. Вечером в Горьком. Купе переполнено...

31/05-43. Москва! Ожидание в вагоне. Машина. Развоз спутников в НКВД. Бутырка, камера № 13, в помещении бывшей церкви...

1/06-43. Вывоз в 4-й спецотдел.

7/06-43. Перевод в «шарашку»! 7 часов вечера, встречи. Федоровский, Сергеев, Спутников, Чекин... Известие о смерти Зейде...

8/06-43. Изоляция. Отсутствие освобождаемых. Безднадежность. Подавленность, болезнь – слабость, пеллагра.

30/06-43. Вызов в спецотдел. Беседа с А.П.Завенягиным. Обещание и надежды.

5/07-43. Передан ответ А.П.Завенягину. Отказ от Норильска. Согласие на Красноярск. Условие – освобождение.

10/07-43. В 6 часов утра выехал из 4-го спецотдела. 10.30 вышел из Бутырской тюрьмы. Две беседы с А.П.Завенягиным.

25/07-43. 14 часов 55 минут. Отъезд в Красноярск!..

6. «ДЯДЯ ВАНЯ, ХОРОШИЙ И ПРИГОЖИЙ...»

Москва.

Апрель 2000 года.

Квартира В.И.Башилова.

- Читая воспоминания ветеранов завода я, Владимир Иванович, обратил внимание на то, что Завенягин предлагал Ивану Яковлевичу поехать в Норильск, но Ваш отец настоял на Красноярске. Так ли это?

- Думаю, что Авраамий Павлович Завенягин был прекрасно осведомлен о работах отца в сфере извлечения редких металлов. Тогда подобных специалистов, как говорится, можно было перечислить поштучно. И Норильский комбинат, и технологически связанный с ним Красноярский аффинажный завод относились к ударным объектам НКВД и были подконтрольны Завенягину. Он действительно очень хотел, чтобы отец поехал в Норильск, но к нашей общей семейной радости, если так можно сказать, его не пропустила туда медкомиссия. Он в лагерях Ухты так подорвал здоровье, что в Норильске не выдержал бы и двух лет. Так что, получив свободу, подлинного права выбора он не имел и вряд ли мог на чем-либо настаивать, даже будучи крайне нужным ГУЛАГу специалистом. Ему, к примеру, было запрещено проживать во всех городах

областного значения. Либо Норильск, либо Красноярск! Кстати, тогдашний ректор МГУ, будущий президент Академии наук СССР академик Несмеянов готов был взять отца руководителем одной из кафедр университета. Но оба понимали, что через запрет НКВД перешагнуть невозможно. Уверен, что это ведомство не согласилось бы отдать отца в чистую науку...

Отметим для себя, что отсидев 4,5 года в лагерях, Башилов вместо накидки нового срока, что по «законам» НКВД делалось обычно в восьми случаях из десяти, получил относительную свободу. По крайней мере конвоиры его больше не сопровождали. Но судимость не была снята, а это означало, что ему предстояло регулярно отмечаться в ближайшем из отделений Красноярского управления НКВД. По утверждению многих репрессированных, такая процедура порой воспринималась тягостнее, чем конвоир за спиной.

Достоверно известно, что в те «вражеские» годы режимные органы на многих предприятиях в стране категорически запрещали назначать политических заключенных или репрессированных на руководящие должности, особенно в цеха основного производства. Прежде всего это касалось тех, кто был «загнан в угол» практически по любому из пунктов 58-й статьи. А

наивысшая категоричность запрета предъявлялась к тем, кто был осужден «за контрреволюционную деятельность» с первоначальным сроком от трех до семи и реже до десяти лет. По прошествии полувека трудно понять, какая логика скрывалась за этим требованием, но она исправно действовала и лишь крайне редко допускались какие-то послабления. Сотрудники режимных органов периодически устраивали спецпроверки кадров, и принимали решительные меры «по выявленным недостаткам». Обнаруженных на руководящих должностях «спецов» незамедлительно увольняли. Чаще их, как спецпоселенцев, назначали на рядовые рабочие должности в те коллективы, которые занимались строительными работами. Правда, особо ценных специалистов все же удавалось сохранять там, где было нужно производству, а не кадровикам в штатском.

Острейшая нехватка квалифицированных «спецов», особенно ощутимая во время Великой Отечественной войны, вынуждала руководителей предприятий сознательно идти на нарушения этого требования. Трудно утверждать, что приказ № 167 от 10 июня 1942 года, подписанный М.И.Гутманом, относится к числу самых первых из серии оправданных нарушений подобного рода. Но именно в нем начальник строительства завода распорядился, к примеру, «з/к Бориц Василия Васильевича зачислить с 9.04.42 на

должность прораба по монтажу и изготовлению оборудования». Можно предположить, что «кадровый голод» заставил М.И.Гутмана принять в отношении этого заключенного и еще одно решение. Своей рукой в уже отпечатанном приказе он сделал приписку: «На правах помощника главного механика». А это, согласитесь, далеко не рядовая должность.

Подобные назначения происходили и позже. Сначала завод готовился к пуску, потом требования к нему из Москвы все более крепчали и его руководство в такой обстановке не имело возможности, как говорится, пассивно «ждать милостей от природы», или уповать на везение, не обеспечивая его своими действиями. Кстати, и памятное получение на опытной установке первых граммов платины и палладия 23 марта 1943 года тоже связано с именем «врага народа», инженера Константина Константиновича Белоглазова. Он и монтировал ее, и настраивал, и получал на ней первую продукцию «Красцветмета»... Сохранился приказ зам. начальника исправительного лагеря и аффинажного завод, ст.лейтенанта НКВД И.Сорокина, согласно которого з/к Белоглазову К.К. было назначено спецпитание. Правда, что входило в него, не указано...

В те дни газета «Красноярский рабочий» сообщала о том, что...

... на первенце энергетики края, на КрасТЭЦ, начала свою работу пусковая комиссия. «После 48 часов бесперебойной работы ТЭЦ станция будет принята в эксплуатацию».

... в одном из зданий военных мастерских вольнонаемный печник тов.Галим Салитович Гарифулин при сносе печи обнаружил пять слитков золота весом 54 фунта 31 золотник и 48 долей. «Ценную находку тов,Гарифулин сдал в фонд обороны страны».

... на митинге представителей трудящихся города, который прошел в театре Пушкина, для бойцов Красной Армии собрано 25 тыс. экз. книг и 1000 посылок с подарками.

ПРИКАЗ № 1

06.01.44г.

З\к Сучковой из бригады Ивановой за утерю электролампочки в 75 ватт объявить строгий выговор и удержать стоимость эл/лампочки по рыночной цене.

ПРИКАЗ № 158

29.05.44г.

Несмотря на неоднократные предупреждения и запреты поддерживать какую-либо связь

вольнораемных сотрудников с заключенными, она все же продолжается.

В ночь с 26 на 27 мая с.г. з/к Анисимов Ф.С., осужденный по статье 58. П.10 УК РСФСР сроком на 10 лет, в течение 10 минут по служебному телефону вел разговор на отвлеченные темы с дежурной по электростанции т. Марченко Е.П.

Дежурная телефонистка Игнатович Л., зная что выше указанные лица разговаривают не по служебным делам, слушала их разговор и вставляла реплики. За использование телефона для личных целей и незаконную связь с вольнораемым работником завода з/к Анисимова Ф.Е. водворить в штрафной изолятор сроком на 15 суток с выводом на работу и лишить дополнительного питания на 10 дней.

ПРИКАЗ № 214

14.07.44г.

За проявленную инициативу з/к Терехову В.К., собравшему утиля цветных металлов 83 кг, объявить благодарность с занесением в личное дело и премировать 50 руб. Зачислить на дополнительное второе горячее блюдо на 10 дней.

ПРИКАЗ № 83

20.04.45г.

К 25 апреля с.г. провести осмотр всех конематок в возрасте до трех лет и старше с целью определения их пригодности к расплоду. Одновременно провести осмотр жеребцов-производителей и проверить у них качество спермы. Категорически запретить использование жеребцов-производителей на каких-либо работах. На период проведения конской случной кампании обеспечить не менее 10 центнеров лучшего сена и 2 центнера концентратов на голову.

ПРИКАЗ № 146

03.06.45г.

За добросовестное отношение к работе по разгрузке парохода «Орджоникидзе», прибывшего с грузом шлама для завода, выдать з/к бригад Гаркушенко, Балабан и Балло по 100 граммов местного табака. Расходы списать за счет лагеря.

А.А.РОМАНКЕВИЧ:

На наш завод каждое утро, к 8 часам, шла огромная колонна в окружении охраны и собак. Все движение по

тракту в это время останавливалось. Только слышно было шарканье ног огромной массы людей.

Среди безмолвно двигавшихся по пыльной дороге, выделялся один человек. Он шел, возвышаясь над всеми на целую голову. Солидный, подтянутый, с заложенными за спину руками. Плотный, с высоко поднятой массивной головой, покрытой густой сивой и наполовину седой шевелюрой, в двойных очках... Он бросался в глаза своей солидностью и достоинством. Это был профессор Ленинградского университета Рудольф Людвигович Мюллер, репрессированный неизвестно за что. Как-то его везли впереди колонны ээков на дрожках. Они прыгали и дребезжали на галечной дороге, а седока так трясло, что эта привилегия вскоре была отменена, и он опять шел в общей колонне пешком.

Мне выпала честь работать с этим человеком. Мы пришли на завод совершенно неподготовленными, и нашими учителями стали такие незаурядные личности, быть рядом с которыми сочли бы за высокую честь многие ученые и инженеры. Но из-за того положения, в котором они находились, многие отказывались с ними работать и здороваться, таким было это время, когда процветала жестокая несправедливость. Я же в течение пяти лет была постоянной сотрудницей профессора Мюллера, осужденного по 58-й статье...

Это был мой учитель. Я, десятиклассница, была ученицей профессора, который помогал мне осваивать работу с нуля! Он обычно говорил: «На работе думайте только о деле. Уходя с работы, вы должны знать, что будете делать завтра. А дома забывайте и отдыхайте». Рассказывал о своей работе на лесоповале, где он топил баню «по-черному». Однажды он только чудом остался жив, так как мог попасть под огромную падающую спиленную лесину, из-под которой его выдернул в последний момент и отбросил в сторону другой заключенный. Затем Мюллер работал лаборантом в лагерном медпункте. У него было плохое зрение, и он носил две пары очков, которыми постоянно манипулировал. Снимал одни, надевал другие, а мог надеть и сразу две пары.

У Рудольфа Людвиговича были и другие сотрудники, отбывавшие различные сроки: академики, дипломаты, главные инженеры больших заводов, преподаватели университетов, руководители научно-исследовательских институтов. Полвека прошло, так что фамилии многих уже просто забыла. Помню, что у нас в лаборатории был один механик, попавший в заключение за какой-то рассказанный анекдот. Словом, все основные работы в лаборатории выполняли люди, пострадавшие по 58-й

статье. Но они работали очень вдохновенно, иногда на все их идеи и замыслы не хватало помощников...

На работе наши отношения с заключенными были деловые, мы их нисколько не презирали. Коллектив ЦЗЛ был большой и общения не возбранялись. Иногда они рассказывали о семьях, о детях. А за что осуждены – никогда, да мы и не интересовались. Помню, в группе Мюллера работал бывший главный инженер одного из киевских заводов по фамилии Барчук. У него была семья, двое детей. Он рассказывал, что ему удалось передать на волю письмо, в котором он просил жену отказаться от него, иначе детям не дадут возможности учиться в вузах. Я знала, что Р.Л.Мюллер очень хотел, чтобы его дочь пошла по его стопам, но ее приняли только на филологический факультет...

К заключенным приезжали родственники. Разрешили как-то и Рудольфу Людвиговичу свидание с женой, а потом и с дочерью. Жене, Раисе Борисовне, он через кого-то сумел помочь устроиться на квартире, окна которой выходят на нынешний проспект имени газеты «Красноярский рабочий», чтобы она ежедневно могла видеть проходящую мимо колонну заключенных, а, значит, и Рудольфа Людвиговича. И он знал, что она в это время обязательно смотрит на него...

«Напомню, в общем-то хорошо известную притчу, - пишет в своих воспоминаниях Борис Михайлович Грайвер, - Она утверждает, что лучше голодному человеку дать удочку, чтобы он смог сам себя обеспечить рыбой, нежели один раз накормить его ею». Именно так, спустя многие годы, бывший директор завода оценивает основополагающую деятельность той научной «могучей кучки», которая была создана вскоре после рождения предприятия. Однако, подчеркивает Борис Михайлович, «Эти ученые сделали для нас и больше, и лучше. Они дали нам и «рыбу», основу технологии, и «удочку», заложив фундамент заводской науки, научив наших инженеров и рабочих трудиться творчески, проявляя постоянную заботу о непрерывности технического прогресса производства... И после того, как в начале 50-х годов ученые покинули Красноярский аффинажный, прекратив тем самым свое непосредственное участие в деятельности предприятия, наши инженеры и научные сотрудники не только продолжили, но и приумножили их дела».

Интересно, что подчеркивая это, Борис Михайлович называет имена ученых, как говорится, единым списком, не подразделяя их на «врагов» и на друзей. «Когда заходит речь об истории завода, - пишет он, в первую очередь следует назвать исключительно большие заслуги перед ним группы крупных отечественных ученых-химиков,

профессоров И.И.Черняева, И.Я.Башилова, В.В.Лебединского, А.М.Рубинштейна, Н.К.Пшеницина, О.Е.Звягинцева, Р.Л.Мюллера, С.М.Анисимова в разработке основ извлечения металлов из сырья и их аффинажа на заводе.

Но не менее важная, а возможно и самая главная заслуга этих ученых состоит в том, что они сумели привить заводским инженерам, работающим в цехах, вкус к научно-исследовательской деятельности и понимание необходимости личного участия каждого инженера в совершенствовании производства... Короче говоря, эти люди, воспитанные в лучших традициях старой русской интеллигенции, несмотря на допущенную со стороны властей в отношении их несправедливость, и находясь долги годы в условиях ГУЛАГа, сумели подняться выше личных обид, думая прежде всего об интересах страны, о ее будущем...», - подчеркивает Борис Михайлович.

Мрачные вопросы возникают сегодня при воспоминаниях о мрачных временах. К примеру, а имел бы Красноярский аффинажный завод столь мощный «мозговой центр» если бы создание этого предприятия было поручено какому-то иному ведомству, а не всесильному НКВД? Можно, конечно, припомнить, что «иных ведомств» тогда фактически не было, так как вся индустриализация страны

осуществлялась с единого «пульта», расположенного в Москве, на Лубянке. Именно по командам отсюда за дело брались как вольные ученые, так и ученые-узники, поскольку труд тех и других в одинаковой степени, согласно мудрому определению тов. Сталина, был «делом чести, делом доблести и геройства». И горькой памяти «шарашки» успешно действовали не только при металлургических предприятиях, но и там, где создавали самолеты и космическую технику, отечественную электронику, и различные виды оружия, включая и ядерное... Так что и рождение Красноярского аффинажного завода в этом смысле можно признать скорее правилом, а не исключением из него.

Одно из первых писем

И.Я.Башилова в Москву из

Красноярска. 4 сентября 1943 года.

«...Я все еще не устроен. Квартира (большая комната на 24 кв.м.) все еще отделяется, и я живу в квартире для приезжающих. Физически медленно поправляюсь, но ноги все еще слабы. Это также не способствует поднятию настроения и, видимо, мамка не имеет понятия о моем состоянии, так как думается, что с семьей я поправился бы быстрее. А может быть и наоборот?! Попытки

посильнее влезть в работу, чтобы время быстрее шло, наталкиваются на быструю утомляемость – опять неладно. Вот так и живешь, а тут еще и писем не имеешь ни от кого из вас подолгу! Здесь также наступает осень. По ночам холодно, но заморозков не было. Днем же иногда продолжает быть жарко. Проходят иногда сильные грозы, но на склонах соседних гор появились уже светло-желтые пятна и промазки. Там, видимо, дело доходило и до заморозков. К сожалению, природа здесь довольно далека, в лесу еще ни разу не был и только изредка хожу на берег громадного Енисея, - он в трех минутах от моего жилья. После дождей здесь грязи почти нет - сухо и песок. Но кругом все индустрия и толпы народа...»

Москва.

Апрель 2000 года

Квартира В.И.Башилова

- Владимир Иванович, скажите, пожалуйста, Ваш отец долгое время жил в Красноярске один?

- До октября того же, 1943 года, пока мы с Зинаидой Ивановной, так звали мою маму, не переехали к нему из Уфы, куда мы были эвакуированы из Москвы 2 годами раньше. Жили ужасно. Проходной угол. И голодали, и мерзли. Мама работала патронажной медсестрой, и

получала подачи от состоятельных башкир и татар, которых посещала по вызовам. Вообще мама была идеальной женой для отца с его далеко не простым характером, преданного целиком науке и своим мыслям. Помню, встречал он нас на станции Злобино на грузовике. Разместили наши немногочисленные вещи. Он посадил нас в кабину, а сам залез в кузов. Одет он был очень не по-московски. На нем была телогрейка и типичная для тех лет шапка «а ля зэк». По крайней мере я увидел отца в таком одеянии впервые, потому хорошо и запомнил.

- В некоторых воспоминаниях ветеранов завода подчеркнуто, что и выйдя из лагеря Башилов, как теперь говорят, находился «под колпаком»...

- Мягко сказано. Но в те времена фактически каждого жителя страны накрывал этот самый «колпак». А бывший зэк просто не имел права находиться вне его. Отец никогда не рассказывал нам, но мы с мамой знали, что он раз в 10 дней должен был отмечаться в Ленинском районном отделении НКВД-МВД. За ним постоянно следили и на заводе, и за его пределами. Думаю, что в этом смысле как-то полегче на душе было Ян Яновичу. Фамилию его никогда не знал, потому что его всегда называли только Ян Яныч. Говорят, что до лагеря он был «кремлевским доктором». Кажется, хирургом, но лечил от многих болезней, включая и сугубо женские, и сугубо детские. И

собратьев эсков лечил, и вольных. Личность калоритная... Ходил он по 7-му участку, (это в районе нынешнего ДК имени 1 Мая-авт.), всегда в сопровождении конвоира. И если кто-то из знакомых при встрече на улице спрашивал Ян Яныча: «Куда идете?», тот со свойственным ему юмором отвечал: «А опять на охоту. Видишь, позади ружье несут».

За отцом, как я помню, никто не следовал, но он постоянно и повсюду ощущал чье-то незримое присутствие. Словно кто-то поставил цель, не дать Башилову возможности забыть, что он был и остается «врагом».

Как-то, помню, в воскресенье к нам домой пришла одна работница завода. Она часто приходила и сидела молча. Обозначу ее фамилию буквой Ш. Пока отца не было, я дал ей посмотреть наш семейный фотоальбом. Когда, войдя в комнату, отец увидел, что она рассматривает снимки, он буквально вырвал у нее альбом из рук. Такая неделикатность была совершенно противоестественна для Башилова. Как только за гостьей закрылась дверь, отец объяснил мне причину своего срыва. «Она за мной постоянно следит, а ты ей альбом даешь...» Больше подобных сцен я не помню, но он очень тяжело переносил свою свободную неволю...

Некоторые подтверждения этому по крупницам удалось обнаружить в воспоминаниях и других современников

профессора. Были случаи, к примеру, когда «люди в штатском» неоднократно и в моменты отсутствия хозяев вламывались в квартиру Башиловых. Устраивали обыски, шерстили собранную им, уже в четвертый раз за жизнь, библиотеку и, наконец, предлагали немедленно собирать вещи и готовиться к отъезду. И только оперативное вмешательство директора завода, которого ставил в известность кто-нибудь из друзей профессора, помогало возвращать хоть какую-то справедливость. Позже это повторилось в одном из подмосковных санаториев, куда Иван Яковлевич был направлен на лечение. Ворвавшиеся среди ночи в его номер сотрудники «органов» требовали немедленно покинуть территорию столичной области. Наметившееся было выселение сумел приостановить лишь главный врач санатория...

Из дневника

И.Я.Башилова

« 9 сентября 1944 г.

... К этой тетради я обращался как к убежищу. В ней мне хотелось забыть окружающее и пока не думать о будущем, т.к. сил не хватало, чтобы осмысливать даже простейшее из окружающего. К ней я прибегал даже тогда, когда не работала голова, отягощенная злым недугом, к ней я прибегал и тогда, когда не поворачивался

язык, чтобы разговаривать с окружающими, когда все кругом раздражало и нервировало... Моя мысль работала с трудом, и я с трудом, с затратой времени относительно очень большой мог соображать и думать. Поэтому я был медлителен и в своих мыслях и в своих выводах. Поэтому я избегал людей и даже разговор с ними был тягостен для меня. Они же думали, несомненно, что я чуждаюсь их по другим причинам, и я отходил от них даже тогда, когда этот отход был идентичен с бегством...

В таком состоянии я необычайно отчетливо различал то, что считается материальным и духовным. Я прекрасно осознавал, что тот или иной вопрос мне вполне доступен, но то, что напрашивалось как решение, казалось мне сомнительным, т.к. я ясно ощущал, что у меня не хватает материальных сил...»

Москва.

Апрель 2000 года.

Квартира В.И.Башилова

- Владимир Иванович, Вы жили...

- Сначала все трое в одной из комнат двухкомнатной квартиры. Другую занимал работник столовой. Это был самый первый принадлежащий заводу кирпичный дом. Позже нашего соседа переселили, и мы заняли всю квартиру и прожили в ней года два. Пока зэки не возвели

рядом новый большущий жилой дом. В нем отец получил уже 3-комнатную квартиру и у него, наконец, появился свой кабинет, да и я обзавелся отдельной комнатой. Думаю, что, предоставив нам эту роскошную по тем временам квартиру, руководство «Красцветмета» проявило свое особое уважение к отцу... Он уходил на работу к 9 часам утра. Возвращался обычно к 7 часам вечера. Быстро ужинал и продолжал работать уже в своем кабинете. Так что все наши общения чаще всего происходили за столом. Либо изредка по воскресеньям, когда мы ходили в тайгу или на пригородном поезде уезжали до станции Сорокино. Здесь мы рыбачили. Отец это занятие очень любил.

У нас дома бывали многие московские ученые, которые создавали завод. Очень часто заходил и Орест Евгеньевич Звягинцев, один из тех, кто в составе специальной комиссии выбирал площадку, на которой теперь расположен «Красцветмет», а затем участвовал и в разработке основных технологий для завода. А бывший секретарь парткома завода Рахманов и его супруга были просто друзьями нашей семьи. Прекрасно помню частые визиты к нам и профессора Алексея Васильевича Улитовского. До ГУЛАГа он в Ленинграде возглавлял институт прикладной физики. После выхода из лагеря его оставили на заводе в «ранге» сосланного и бесконвойного, что и давало ему возможность бывать у нас. Интересно, где-то в конце 60-х

годов я увидел в одной из книг фотоснимок очень знакомого мне бородача. Это был Улитовский. О нем писали, что он стал одним из создателей советской радиолокационной системы...

Несмотря на то, что отец пришел в совершенно новую для себя сферу металлургии, он оставался могучим генератором научных идей. И это на заводе, как я помню, очень ценили... Приятно вспоминать, что захаживали к нам и главные инженеры завода Голованов и Селиверстов. Кажется, и директор Рожков бывал со своей очень энергичной женой. Нет, это были не производственные совещания. К отцу приходили поговорить как просто с мудрым, очень добрым, отзывчивым, истинно интеллигентным человеком. Отец многим сумел помочь. Помню молодого сосланного в Красноярск немца. Зная, что тот очень тяжело живет, отец всегда звал его обедать. Сосланных вокруг было очень много. Они ведь составляли костяк завода.

Те полные мрака и слез годы сближали людей, делали их добрее, отзывчивее. Все они прекрасно понимали, в каком обществе живут, но работали ради порученного дела, ради победы... Не работать они просто не могли, чему нынешние поколения вполне могут поучиться...

Из письма И.Я.Башилова
дочери.

21 августа 1945 г.

Милая Ира! Рады были получить твои фото. Андрей (речь идет о годовалом сыне Ирины Ивановны – авт.) уже человекоподобен и выглядит неплохо. Обещай ему от нас хорошую игрушку – тебя он наверное поймет.

... Мне пока что отдохнуть не удалось. Собираюсь хлопотать об этом, т.к. без отдыха больше жить нельзя. Все время мешала работа, которая вот только теперь приходит к некоторому, конечно, относительно концу. Реализуются в производстве мои работы, которые выводят из глубокого прорыва все наше предприятие! Сознание приятное, но достается оно с превеликим трудом, т.е. условия для работы заставляют желать очень много лучшего. Нет книг, нет оборудования и нет сознательных и сколько-нибудь опытных помощников. За каждой мелочью приходится наблюдать лично, лично же приходится продумывать все детали работ...

Ну, авось с полным окончанием мировой войны будет образовываться и улучшение жизни со всех сторон, а значит, можно надеяться и на некоторый отдых.

Г.К.ТАХВАТУЛИНА:

- Поступив после окончания химфака Томского университета на п/я 121, я попала в прекрасный высокообразованный коллектив, точнее, в отличную школу, где замечательные люди передавали свои знания... А главным руководителем исследовательских работ был Иван Яковлевич Башилов, типичный профессор с пышной окладистой бородой и очень добрыми большими карими глазами на красивом лице... Все наши исследовательские работы проводились под грифом «Совершенно секретно». А при поступлении на завод мы давали клятвенные подписки не разглашать тайн, не общаться с контингентом заключенных, работавших на заводе. И поэтому лишь по редким случайным репликам мы узнавали что-либо о судьбах этих людей... На заводе были организованы ежедневные двухчасовые лекции, слушателями на которых были и сам начальник предприятия Кужель, и главный инженер Селиверстов, и начальники цехов, отделов, и все ИТР. Основы аффинажа нам читал профессор Башилов, новое для всех пробирное дело – профессор Анисимов, спектральный анализ преподавал профессор Мюллер, а основы газоочистки и анализа газов – научный сотрудник Недлер.. Оторванные от родных для себя мест и от своих семей по воле всесильного и

жестокое НКВД эти люди были сосланы в Сибирь, и избавить их от всех бесчисленных тягот не мог никто...»

А.М.СУСЛОВА (АМОСОВА):

...Это поистине был храм науки. В какой-то мере существовала борьба научных идей, и пальма первенства принадлежала профессору И.Я.Башилову и А.Н.Федоровой. Вспоминаю, как Иван Яковлевич, идя на работу, всегда выбирал уединенные дорожки, и думал, думал, думал... В минуты же хорошего расположения духа он шутил и остроловил. На ЦЗЛовских капустниках, когда хор пел в его честь:

«Дядя Ваня хороший и пригожий, дядя Ваня, профессор дорогой...», Глаза его наполнялись теплом и светом.

А.А.РОМАНКЕВИЧ:

Первый раз я увидела профессора Башилова весной или осенью 1945 года. Он был совершенно лысый, с бородой, в поношенном ватнике, с рюкзаком за плечами и с палочкой. Всегда спокойный, думающий, сосредоточенный и печальный. Ему тогда было 53 года. Возглавив научно-исследовательский отдел, он мог

творить, применять свои знания. Иван Яковлевич пользовался уважением. От него исходила мудрость, которая вызывала у нас почтение и заставляла любить свой труд и относиться к нему творчески. Результатом работы его самого и его сотрудников была уникальная технология высшей очистки платины...

Из воспоминаний Анны Пожиток (Рахмановой), бывшей работницы завода «Красцветмет», которые она в 1989 году, будучи в возрасте 82 лет, специально написала для детей И.Я.Башилова (Публикуется впервые).

Нашей стране в то время очень была нужна валюта, чтобы приобрести у США необходимые самолеты, танки для наших войск. Так что строительство аффинажного завода в Красноярске в связи с этим было очень важным. Правда, таких заводов у нас в Советском Союзе еще не было и поэтому пришлось все начинать с нуля. Ради этого были собраны крупные ученые и инженеры, находившиеся в лагерях, а также вольные специалисты. Среди них был и профессор И.Я.Башилов. Под руководством его и администрации завода мы проводили исследования. Приходилось работать по 12-

14 часов. Была построена центральная лаборатория (ЦЗЛ), где и проводились исследования под руководством Ивана Яковлевича. Его так и называли «мозг завода». Правда, его очень угнетало отсутствие нужной литературы. В Москве же ему разрешалось находиться не более трех суток. Начальник ЦЗЛ Явнель был заядлым «сталинистом», подозрительно относился ко всем заключенным и в особенности к Ивану Яковлевичу, который, кстати, просто не замечал своего начальника. Наша семья была очень дружна с семьей Башиловых, и Иван Яковлевич вместе со своей супругой Зинаидой Ивановной бывали у нас на всех семейных торжествах, мы часто вечерами и в выходные дни гуляли по берегу Енисея.

Иван Яковлевич был очень интересным мужчиной выше среднего роста. Особенно выделялась его большая борода и огромный лоб. Глаза у него были красивые, выразительные и очень умные. К людям он относился просто, не показывая свое превосходство в знаниях и культуре. Помню, мы, мастера, часто обращались к Башилову когда не могли помочь своим детям-школьникам в решении заданных им на дом задач. Да и нас он никогда не журил, если забывали элементарные технические истины, и очень советовал нам ежедневно

заниматься «гимнастикой мозгов» и учиться одинаково легко читать как техническую, так и художественную литературу. Очень жаль, но Ивана Яковлевича на заводе заметно притесняли по мелочам, видимо, помня, что он бывший «враг народа». Например, при распределении ордеров на дополнительные продукты питания и промтовары. Его просто не включали в список, а при распределении премий он получал наименьшую сумму, чем другие руководители. Он никому не жаловался на это, но было видно, что очень переживал. Такая обстановка отрицательно действовала на его самочувствие, и он начал часто болеть. Сердце и нервы не выдерживали. Но он не ожесточился, а продолжал работать. Как же могло случиться, что у нас, в Советском государстве, погибали в период сталинского режима талантливые люди!..

И.В.Сталину,

27 ноября 1948 года

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Обращаясь к Вам с настоящим письмом, я надеюсь на Вашу помощь в вопросе жизненно важном для меня лично

и, как мне представляется, имеющем далеко не последнее значение и для нашей социалистической страны.

... Дело в том, что на том предприятии, на котором я работаю сейчас, основное и главное решено и разработано, с чем и связано получение мной Сталинской премии. На ближайшие несколько лет характер и план работы здесь совершенно ясен. Для своего успешного выполнения он совсем не требует особо квалифицированного руководства. В то же самое время в области собственно редких элементов сейчас имеется чрезвычайно сильный подъем, вызванный хотя бы опытами по использованию внутриатомной энергии.

... Наличие по химии и технологии редких элементов только двух моих монографий, 1927 и 1932 гг., к тому же ставших библиографической редкостью, является обстоятельством совершенно ненормальным, требующим быстрого изменения. Задачу по (их) переработке на основании личного опыта и наблюдений, по подготовке нового издания учебника технологии редких элементов я взял на себя более 10 лет тому назад. Однако обстоятельства и условия, в которых я находился, допускали меня работать в этом направлении только урывками.

... Без Вашей поддержки я сам сделать что-либо для ее надлежащего выполнения не в состоянии, так как несмотря на высокие награждения, несмотря на получение высокого звания лауреата премии Вашего имени, я не являюсь полноправным гражданином, хотя никаких прав, казалось бы, и не лишен. С меня до сих пор не сняты ограничения в выборе места жительства, а следовательно, и характера работы, ее места и т.п.

...Итак, я прошу Вас, товарищ Сталин, дать мне возможность работать более эффективно и полезно для нашей социалистической родины, дать мне возможность как ученому, инженеру и гражданину обобщить опыт своей практической жизни и деятельности в области редких и радиоактивных элементов и вернуть мне все права гражданина великого Советского Союза Социалистических Республик...

Из письма президенту Академии

Наук СССР А.Н.Несмеянову.

«В силу особенности моего положения бывшего репрессированного я не в состоянии спокойно закончить свои работы и поэтому обращаюсь к Вам, возглавляющего

научную деятельность в СССР, с просьбой помочь мне облегчить мое положение на склоне жизненного пути..»

Как выяснится позже, заготовив черновик, Иван Яковлевич по каким-то причинам не стал отправлять это письмо академику Несмеянову. Однако, видя, что оно напоминает подлинный крик отчаяния, президента АН СССР в тайне от отца посетила дочь Башилова, Ирина. Во второй половине 80-х годов в своем интервью журналу «Химия и жизнь» она скажет: «Президент ответил, что будет рад принять Ивана Яковлевича, как только тот получит московскую прописку».

Москва.

Апрель 2000 года

Квартира В.И.Башилова

- Берусь утверждать, Владимир Иванович, что мы с вами в разное время окончили одну, Красноярскую среднюю школу № 48.

- Я окончил ее в 1950 году. Нас было 11 выпускников. Шестеро получили медали, а у меня четыре «четверки» в аттестате. Но я в том же году довольно успешно поступил в Томский университет на геологический факультет. А

через полтора курса отец с помощью академика Несмеянова помог мне оформить перевод в МГУ.

- В школе к Вам относились как к сыну репрессированного?

- Наверное, да. Но без нанесения обид, а с какой-то особой сочувственностью. Сыновей политических ссыльных, кем был и я, в школе было много. Но нас никто не выделял. А меня в 8-9 классах даже избирали секретарем комсомольской организации школы и членом райкома ВЛКСМ. Отец к этому относился нормально, считая, что его сын имеет в школе определенный авторитет. Особенно меня «зауважали» после того, как отец выступил с докладом на торжественном собрании завода, посвященном памяти Ломоносова. Математичка наша после этого очень часто стала мне говорить с восторгом: «У вас такой отец!» Помню директора школы Лукьянова, помню нашего преподавателя русского и немецкого языков Владимира Корнеевича Эккерта. Вот он, как ссыльный поселенец, всего боялся. Такое нам досталось время...

7. «ЭТО БЫЛ РЕДКАЧ, МЕТАЛЛУРГ ВЫСШЕЙ ПРОБЫ...»

Москва.

Июль 1998г.

- Впервые я попал на «Красцветмет», - сказал мне Владимир Иванович Долгих, - летом 1948 года. Приехал на практику будучи студентом Иркутского горно-металлургического института. А уже на следующий год, получив диплом, стал мастером в цехе, который тогда имел номер 6. В те времена на заводе еще были сосредоточены очень крупные специалисты. Я бы сказал, редкачи, высоко квалифицированные аналитики, среди которых особенно выделялся Иван Яковлевич Башилов. Мне повезло, я проработал с ним несколько лет...

В.И.Долгих, один из наиболее известных в советские годы красноярцев. Прежде входивший в десятку самых «больших» в стране людей, теперь занимает крохотный, квадратов на 10-12, кабинет в перенасыщенном, как я понял, различными офисами здании на улице Большая Полянка,44.

После получения первой в своей жизни должности на «Красцветмете», начальника смены, Долгих через довольно короткий срок становится руководителем цеха, а затем, еще до собственного 30-летия, в 1954 году, он был назначен главным инженером завода. Позже был директором Норильского горно-металлургического комбината, где, как слышал я от многих, на этого, умеющего рисковать руководителя «положил глаз» посетивший заполярный город Алексей Косыгин, возглавлявший тогда правительство СССР. Затем «по воле партии» Долгих непродолжительное время был первым секретарем Красноярского крайкома КПСС, а в 1972 году он становится секретарем ЦК КПСС, а вскоре и кандидатом в члены политбюро Центрального Комитета партии. Заняв этот пост, он получил под свое начало энергетику всей страны и несколько ведущих отраслей ее промышленности.

Долгих – участник Великой Отечественной войны. Он – кандидат технических наук, был дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда, однако категорически не дал своего согласия на то, чтобы, по действующим в те годы законам, на родине Героя, в городе Иланске Красноярского края, еще при жизни был

установлен его бронзовый бюст, что можно признать совершенно не типичным для того времени и даже рискованным поступком.

Когда в июле 1998 года мы встретились с Долгих, он вновь занимал выборную должность. В возрасте 74 лет бывший кандидат в члены политбюро возглавил землячество красноярцев, переехавших на постоянное жительство в Москву. А таковых, как мне сказал он сам, было в тот момент около 200. Владимир Иванович энергичен, приветлив в общении, лишен замкнутости, которая обычно свойственна, особенно в беседах с журналистами, тем, кто занимал высокие посты, и поэтому все или многое знает. Привыкший к постоянному присутствию рядом охраны, различных помощников и сопровождающих лиц, теперь Долгих, находясь за рулем собственной иномарки, самолично гоняет по Москве. И как заправский водитель костерит ее «проезжую часть» за бесконечно возникающие в самых неожиданных местах «пробки». В своей прежней жизни он их, понятно, не замечал. Точнее, был лишен встреч с ними.

Возможно мне показалось, но Долгих очень охотно дал свое согласие на встречу со мной, что связано,

скорее всего, с возможностью «поговорить о Башилове» и о тех, кто, в прямом смысле, положил жизни свои ради рождения завода.

Думаю, мне дважды повезло, так как Владимир Иванович не только обстоятельно ответил на мои вопросы, но дал возможность познакомиться и с теми собственными воспоминаниями о былом, которые к тому времени были уже изложены им на бумаге. 500 машинописных страниц! Когда же я, выбрав два десятка из них, попросил разрешения снять копии, то согласие на это было получено немедленно и без досмотра. Так что предлагаю вашему вниманию не только ответы Долгих на мои вопросы, но и некоторые выдержки из воспоминаний моего собеседника. Надеюсь, что с помощью такой «двойной тяги» мы сумеем глубже проникнуть в суть избранной темы.

«В институте нам часто рассказывали о золотодобыче, о производстве алюминия, меди, цинка. Про Норильский комбинат я тогда мало слышал, о Красноярском заводе цветных металлов и не знал даже. Немудрено, ведь это были закрытые предприятия, находившиеся в ведении МВД СССР...

На первую практику я поехал в Казахстан, на Лениногорский свинцовый завод. Работал на

агломерационной печи типа «Дуайт-Ллойд». Работа тяжелейшая, особенно при зачистке шлака. После смены мокрая спецовка, высыхая, покрывалась твердой коркой соли. Работали мы в одной смене с Борей Грайвером, моим хорошим другом, будущим директором Красноярского завода цветных металлов, Лауреатом Ленинской премии – Борисом Михайловичем Грайвером. Вспоминаю один случай, чуть не стоивший Борису жизни.

Я стоял на агломашине, а Грайвер сверху на транспортерах и бункерах подавал шихту в смесительный аппарат. Часто тяжелая свинцовая шихта зависала в громадных бункерах куполами, которые надо было обрушивать, стоя на лестнице. Ни в коем случае при этом нельзя было становиться на шихту - провалишься, затянет в конус и завалит. Вот и в этот раз транспортеры наверху, по которым шихта подавалась в бункера остановились,, и Борис решил обрушить образовавшийся купол, чтобы устранить задержку. И, опрометчиво встав на шихту, провалился, а наверх выбраться не может. Кричу ему, он не отвечает. Бегу наверх, и обнаруживаю в бункере пытающегося выбраться из

«шихтовой трясины» Борьку. Счастье еще, что были остановлены верхние транспортеры, а то бы засыпало Бориса моментально, а это – верная смерть. Мы вместе проработали с 48-го по 58-й годы в Красноярске, на заводе цветных металлов...» (Здесь я прерву воспоминания В.И.Долгих. Дело в том, что когда я пересказал Б.М.Грайверу этот эпизод из их совместной практики, он усмехнулся и заметил, что такой случай действительно был, но «Владимир Иванович не совсем точно его воспроизвел» – авт.)

«...на вторую практику я попал именно в Красноярск, на аффинажный завод. Род его деятельности – работа с благородными металлами - привлек. Он единственный в стране перерабатывал бедные шламы электролизного производства, содержащие платину, палладий, родий, иридий, рутений, осмий, золото, серебро, селен, теллур и другие металлы. Находясь в системе министерства внутренних дел, к тому же связанный с производством драгоценных металлов, завод был, естественно, окутан завесой секретности, строгим контролем, защищен сложной системой охраны. Его окружала внешняя ограда с проволочной надстройкой

на кромке. А основные цеха – за кирпичной стеной, которую почему-то называли «красной чертой». Люди проходили в основные цеха через внутренние посты: вначале раздевались, затем – пост досмотра. А во внутренней раздевалке облачались в спецодежду и по системе подземных переходов достигали своих цехов. Выход из них был с досмотром после душа.

Высокие, по сравнению с соседними предприятиями зарплаты, привязывали людей к заводу. Рабочие охотно учились на всевозможных курсах, что при хорошем отношении к делу определяло разряд, а, следовательно и уровень заработной платы. Завод был построен по аналогии с английским – в Актоне. Технология использовалась уникальная, сложная, состоящая из десятков операций с применением соляной, азотной и серной кислот и их смесей в виде «царской водки»...

Правобережная часть Красноярска, протянувшаяся на 15-17 км, без сомнения, являлась его индустриальным сердцем: здесь было размещено множество заводов. Летом обе части Красноярска соединял единственный паромный мост, который работал с 7 до 23 часов. Ледоставы и ледоходы

перекрывали и этот, не вполне удобный путь. Единственная дорога – железнодорожный мост. В ту пору и до строительства Красноярской ГЭС ледоход начинался 30 апреля – 1 мая. Ревели гудки, извещались и предупреждались люди. Это было величественное и грозное зрелище, впечатляющая картина почти тектонических сдвигов: ледовые поля весом в сотни тысяч тонн приходили в движение, с грохотом ломались, сталкивались, образуя на берегах курганы льда.

Вдоль всего правого берега тянулась очень неудобная и скверно обустроенная дорога. Благоустройства в промышленной половине Красноярска не было почти никакого...»

- Скажите, пожалуйста, Владимир Иванович, когда перед НКВД была поставлена задача, укрепить, если так можно сказать, платиновый потенциал страны, то органы НКВД тем самым, получили право сначала подвергать аресту нужных специалистов и, заклеив их как «врагов народа», затем по своим «путевкам», под конвоем, направлять туда, где они нужны. Так могло быть?

- Думаю, что такое предположение не лишено оснований. Насколько я знаю, зам.наркома НКВД А.П.Завенягин подбирал кадры для работы на закрепленных за этим ведомством промышленных объектах прежде всего среди тех, кто уже был объявлен «врагом народа» и в связи с этим отбывал определенный срок в каком-либо из лагерей ГУЛАГа. Он подбирал нужных специалистов, объединял их профессионально в нужном месте, создавал для них более сносные условия, в чем-то оказывал поддержку. Так возникали закрытые научные лаборатории и конструкторские бюро, более известные в истории страны как «шарашки». Одна из них была, к примеру, в Норильске. Теперь это крупный проектный институт. Аналогичный метод использован в других местах и, в частности, в Красноярске...

- Не могли бы Вы назвать, а кто «шарашил» в той самой «шарашке» при «Красцветмете»?

- Начав работать на заводе, я в силу служебных обязанностей был отдален от административных функций. Но убежден, что без привлечения з/к тогда невозможно было решить многие задачи и в Норильске, и в Красноярске. Разумеется, многих из тех, кто занимался этой работой, я знал лично. Был, скажем, такой опытный

ученый-химик, з/к Вячеслав Константинович Кострикин. Мы много общались. Это был очень веселый, инициативный и находчивый человек, который имел солидный опыт в области хлорирования платиновых металлов. Правда мы тогда не имели надежного оборудования. Но методы отработывались, и впоследствии завод стал активно использовать процесс хлорирования, заменив, кстати, огромные цеха специально созданной миниатюрной установкой для получения этих растворов. Был Константин Белоглазов. Его отец - один из крупных ленинградских ученых, сподвижник академиков Иоффе и Семенова. В судьбе красноярских платины и палладия Константин сыграл заметную роль, хотя яркого следа в истории и не оставил. Почему? Да потому, что был он рубахой-парнем, казалось, и зэковских ограничений не замечал. Для него было главным: работа идет, и слава Богу. Я хорошо его знал и плохих мнений никогда не слышал, ни на Красноярском заводе, ни в Норильске, где он, уже став свободным, работал зам.главного инженера комбината. Кстати, так поступали многие, кто прежде был в заключении. Они оставались не потому что некуда было поехать. Оставались при деле, при деле своей жизни. Белоглазов – один из них, да и «врагом» он никогда не был. Просто сболтнул что-то, после чего и попал «за проволоку».

Большим авторитетом среди заводчан тех лет пользовался Сергей Матвеевич Анисимов, преподававший до заключения в институте цветных металлов в городе Орджоникидзе и написавший в содружестве с инженером Запеваловым фундаментальный вузовский учебник по металлургии свинца и цинка. В институте я учился по этому учебнику, а курс лекций нам читал сам Запевалов. Работал в «шарашке» и профессор химии Рудольф Людвигович Мюллер, прежде преподаватель Ленинградского университета. Он впервые создал схему получения методом электролиза чистого золота. Под это и новый цех был построен. В то время завод очень уверенно шел вперед.

Но вершину этой пирамиды занимал Иван Яковлевич Башилов, патриарх металлургических наук. Своеобразный человек, работал азартно. Он руководил созданием схемы переработки шламов пиррометаллургическим путем. А затем он был нашим руководителем по созданию схемы высаливания и получения металлического родия. Это был высококлассный специалист, который, к большому моему сожалению, очень рано умер.

Я защищал свой диплом по аффинажу платиновых металлов. А последние 1,5-2 года учебы в институте вообще считался чуть ли ни главным специалистом этой

сферы металлургии. Во-первых, все методы были новыми, а, во-вторых, они были засекречены. Никаких публикаций. Так что, как говорится, судьбой была предусмотрена моя встреча с Башиловым. Он передал мне многое из того, что знал сам. Я думаю, что его осудили по 58 статье, скорее всего за то, что он однажды посетил Германию. Помню, он мне рассказывал, что людей там в цехах запускали только в чистой белой одежде, что пользовались они исключительно деревянными молотками и зубилами из дерева, так как полученные соли надо было отбить, не загрязняя их ничем металлическим.

Мне довольно много приходилось заниматься процессами высаливания. Башилов же был на заводе научным руководителем этого направления, что и сблизило нас. Конечно же, я часто ощущал его заметную замкнутость и сдержанность, вполне для меня объяснимые. Но специалист он был высококлассный. Разработка схемы высаливания и получения металлического родия – одна из заслуг Башилова перед заводом...

А.А.РОМАНКЕВИЧ:

- Уже после окончания войны всех ученых и больших специалистов отделили от лагеря и поселили в бывшем

клубе на территории завода, соорудив в нем двухэтажные нары. Всех одели в костюмы, рубашки, даже галстуки выдали. Зимой – теплые пальто с воротниками, шапки, обувь. Питались они в заводской столовой, но только после ее закрытия, когда посещение вольными прекращались. До этого еду доставляли прямо в цеха и сразу на весь день. Профессор Мюллер, к примеру, говорил, что старается соблюдать режим питания и делил хлеб на три приема. Так поступали Недлер и Кострикин. Они даже занимались физкультурой по утрам, до нашего прихода на работу. Были и такие, которые очень голодали, и всю пищу съедали разом. Особенно один бывший дипломат, он с жадностью поглощал сразу все, обливаясь при этом баландой. Был неопрятен, испачкан едой и всегда голодный. На него тяжело было смотреть. Никто из нас никогда им никакой еды не давал. Это было запрещено...

К проживающим внутри завода был приставлен подполковник Самарский, от имени которого мне однажды предложили докладывать все о заключенных, и что это будет оплачиваться по самому высокому разряду. Я категорически отказалась. Меня не уговаривали и мне не угрожали...

Вскоре к каждому из ученых приставили по охраннику. Как-то я ждала Рудольфа Людвиговича Мюллера. Он вошел не один и говорит: «Познакомьтесь, Анфиса Александровна, этот человек теперь будет всюду меня сопровождать...» Видимо, если бы я согласилась доносить, это обошлось бы дешевле, чем содержание более чем 20-ти охранников. И было еще очень неприятно, что мне такое предлагали...

З.П.БАЛАШОВА (КИЩУКОВА):

- Как только завод стал давать продукцию, сразу положение изменилось. У нас появились карточки на продукты, а на промтовары давали ордера. Построили столовую на территории завода. Так, что после смены можно было покушать бесплатно. Было спецпитание: каша с рыбой, Хлеб (100 гр) с маслом (10 гр.) и чай сладкий (сахар 10 гр.). В цехе стал работать грузовой лифт. Обжиговые печи перенесли в плавилку. Меньше стала загазованность. Появились и свои магазины. Только не было своих поликлиники и больницы, и мы лечились в лагере заключенных, которые строили наш завод. Врачи были тоже заключенными, причем очень высокой квалификации, мы их называли «кремлевскими». Очень хороший был врач Ян Яныч. Он

был и хирург, и гинеколог, и терапевт. В общем, врач от Бога, многим спас жизни...

Приказ № 106

26.04.47г.

На протяжении длительного периода 1946 и 1947 г.г. отдельная группа з/к систематически занималась бандитско-хулиганскими действиями и отказами от работы, за что они были водворены в барак усиленного режима и в штрафбригаду на разные сроки. 25 апреля с.г. в целях контрреволюционного саботажа и уклонения от выхода на работу в Злобинский песчаный карьер группа з/к из 9 человек совершила групповой отказ от работы. В связи с этим водворить в штрафной изолятор на 10 суток каждого с выводом на работу. Начать расследование случившегося...

Приказ № 117

18.08.48г.

З/к Горецкий Г.Н., получивший ботинки кожаные первого срока, переделал их на полуботинки, тем

самым испортил рабочую обувь. За данное нарушение з/к Горецкого Г.Н. водворить в штрафной изолятор на 15 суток без вывода на работу.

Приказ № 158

30.12.48

1. В последнее время появились случаи нарушения установленного порядка во время пути следования з/к в колонне к местам работ и обратно. Есть случаи, когда отдельные з/к ведут себя недисциплинированно, занимаются разговорами, допускают нецензурные выкрики в адрес вольнонаемных граждан и конвоя... (принять меры, ужесточить требования).

2. 4 декабря с.г. з/к Першин М.М. не подчинился дежурному по лагерю о снятии на голове волос. В результате его примеру как бригадира последовали и члены бригады (подобные факты впредь недопустимы)»

Приказ № 7

19.01.49г.

В целях неразглашения государственных тайн при разговорах по телефону и расшифровки штатных должностей

ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1. Запретить разговоры по телефону о секретных сведениях и секретных документах.**
- 2. Вызывать абонентов только по номерам, присвоенным согласно списка абонентов телефонной станции.**
- 3. Начальнику связи тов. Рабиновичу дать указание телефонисткам не соединять абонентов для разговоров, если они не назвали номер телефона...**

Между прочим, под номерами были тогда не только телефоны и занимаемые сотрудниками завода руководящие посты. На цифровое кодирование были переведены, разумеется, и названия выпускаемых металлов. К примеру, под номером М7 числилось золото, М6 – осмий, М4 – иридий. А платина, понятное дело, вошла в историю как М1...

Ну что теперь можно извлечь из памяти того дохлого пацана, который родился в Красноярске на левом берегу и лишь в 12-летнем возрасте впервые увидел правобережную часть города. Просто мой отец после трехлетней работы в Игарке, летом 1949 года нашел какое-то место на строительстве завода «Химволокно», который в лучших традициях тех лет был номерным и называли его

только «завод № 522». 12-метровую комнату для жилья нам выделили в новом двухэтажном доме на улице Песочной. И дома эти, и улица, и весь жилой микрорайон и теперь находятся на тех же самых местах. Здесь живут уже другие люди, да и от тополей, которые мы сажали, мало что осталось. Исчезло из памяти и первое название этой части Красноярска – «Аварийный поселок». Именно так, загадочно и странно, он назывался тогда, в 1949 году, когда мы совершали здесь свои мальчишеские подвиги. И, как теперь можно утверждать, даже не пытались что-либо отложить «на века» в своей памяти.

Но, начав работу над этой книгой, я провел более тщательную «инвентаризацию», содержимого своих мозговых извилин, и к радости кое-какие штрихи прошлого сумел обнаружить. И, как показалось мне, многие из них вполне могут дополнить картину тех лет, когда рядом с нами, пребывая в полной неразглашенности, вставал на крепкие ноги уникальный «уроженец ГУЛАГа» – аффинажный завод.

Описывая выше правобережье тех лет, В.И.Долгих, не упомянул одну важную примету, что перемещалась тогда вразвалочку по плохо отрихтованным рельсам по центру нынешнего проспекта имени газеты «Красноярский рабочий» дымная и шумная «мотаня». Так называли

рабочий поезд, состоявший из пяти-шести пассажирских вагонов, который тащил за собой паровоз-«овечка» (модель «ОВ» -авт.). Он пыхтел, дымил, гудел, парил, гремел... Но вопреки этим «угрозам», мы жуть как любили кататься на вагонных подножках. Особенно это стало удобнее делать, когда в «экспрессе» по доставке рабочих от станции Злобино до КрасТЭЦ и обратно появились трофейные вагоны. Они в отличие от наших имели по несколько дверей и более удобные поручни.

Запомнился, понятно, и сам «проспект», то, словно сточная канава, залитый дождевой водой, то покрытый непролазной грязью. Говорят, что «Великий каторжный путь», который до середины тридцатых годов пролегал в этих же местах, так сказать, параллельным курсом, по проходимости своей был заметно лучше. Он имел плотную отсыпку и был выпуклым, а не впуклым, что и принуждало воду стекать в кюветы. Помнится, эту «тайну» раскрыл мне мой учитель Абрам Маркович, когда я стал посещать школу № 16. Кажется уже тогда на «проспекте» начали появляться очень робкие намеки на асфальт. Но это были всего лишь разбросанные далеко друг от друга «пяточки», которые, казалось, никогда не соединятся друг с другом. Ездили по «проспекту» чаще всего телеги, на резиновом ходу запряженные одной, а то и двумя лошадьми, но и автомашины, случалось, проезжали. То «зис-5» прогремит,

то американский «студабеккер», мелькали и легковушки, чаще всего «победы».

А еще два раза в день, по утрам и вечерам, мы глазели на колонну заключенных. Она, словно бесконечная колышущаяся лента, проплывала перед нами, остолбеневшими, как в гипнозе, при виде такого количества угрюмых людей. Правда, иногда зэки нам что-то кричали, но шедшие по бокам солдаты с автоматами, а некоторые еще и с собаками, пресекали эти категорически недозволенные контакты с подрастающим поколением.

Заводской лагерь находился на так называемом Четвертом участке, примерно там, где позже возвели ДК ЦБК. Так что ежедневные марш-броски зэковских колонн по 3-4 км. в один конец близкими не назовешь. Позже, помню, на «ударные стройки» правобережья зэков стали возить на грузовиках. В кузовах стояли огромные обитые жестью короба, а под их крышами на скамейках сидели те же самые угрюмые люди. А у задних бортов находились по два охранника. Был случай, когда автомашину так тряхнуло, что один солдатик вылетел за борт, а зэки поехали дальше. Правда, вскоре грузовик остановился, и «потеря» вернулась на место. А мы, видя это, ржали от души. Вообще-то нас особенно никто не посвящал в таинства этих каждодневных перемещений. Одни взрослые

говорили, что все зэки – это сплошняком «враги», другие сетовали на то, что в стране расплодилось много жуликов и бандюг. Отец же, помню, когда я задавал ему какой-либо вопрос на эту тему, чаще всего предлагал мне почитать сказки Пушкина, или же вообще заняться чем-нибудь, полезным, скажем, решением шахматных задач. Только много позже я узнал, что он, бывший фронтовик-артиллерист, имевший два диплома – литератора и строителя, был фактически тоже зэком, но без конвоя. По крайней мере долгое время ему из-за каких-то «провинностей» разрешали работать только охранником на тогдашнем строительстве завода № 522. Он регулярно писал жалобы и хронически не получал на них ответов

От вида зэковских колонн, помню, оставалась на сердце какая-то совершенно необъяснимая тяжесть. Но она быстро растворялась в мешанине иных мальчишеских забот. Мы, к примеру, более охотно обсуждали сыскные способности милиционера «Касьяна», который, как позже я понял, был участковым в жилквартале «финажного завода». Да, именно так, как и некоторые взрослые, называли мы тогда отгороженную колючкой от остального мира территорию, куда и прибывали по утрам зэки. Что обозначало слово «финажный», никто из нас не знал, и

взрослые были не очень-то осведомлены. Да и не надо нам это было.

Помнится, что и дома на улице Ползунова, и весь жилквартал аффинажников, который и сейчас окружает заводской Дом культуры, мы воспринимали, как нечто сказочное или случайно заброшенное сюда невесть откуда. Уж очень он тогда имел неотразимо-образцовую внешность. Вокруг ведь было очень много песчаных пустырей, на которых, словно островки, стояли бараки, стайки, помойки. Так что, к примеру, колоннада ДК и его высокое крыльцо воспринимались нами как нечто неземное. А про внутренности Дворца и говорить не приходится. Как и о магазине на улице Ползунова, в котором промеж прилавков был вмонтирован в стену огромный аквариум, и прямо из него продавали живую рыбу. Правда, сам процесс ее купли-продажи мне так и не удалось увидеть, но рыбины за стеклом плавали, а друзья-пацаны божились, что были свидетелями такой «рыбалки»...

Не знаю, как кто, а я бы с удовольствием вернулся в те годы. Причин тому много. Ну, во-первых, с годами мне стало казаться, что есть нечто привлекательное и в молодости. Во-вторых, мне (это теперь!) очень хотелось бы взглянуть, как в засекреченной «шарашке» рождалась

платина «в рубашке». А то, что она, несмотря на все горести, родилась таковой, можно не сомневаться. Как-то в очередной раз беседуя с генеральным директором «Красцветмета» Владимиром Николаевичем Гулидовым, я спросил его: «А на что способен по максимуму Ваш завод?» Он хитровато усмехнулся и ответил: «Без употребления абсолютных цифр, скажу так, если однажды нас попросят произвести столько платины, сколько ее выпускают за год во всем мире, мы запросто сделаем это.» Как я понял, «Красцветмету» постоянно не хватает сырья. А если оно будет, то все остальное – дело техники, точнее, тех уникальных технологий, с которыми завод родился.

И потом, вернувшись в молодость, я бы обязательно поговорил... с Иваном Яковлевичем Башиловым. Беседа в Москве с его сыном как-то очень остро обозначила в моей памяти совершенно реальную возможность того, что я мог видеть этого человека, имевшего заметно иную внешность, чем у других людей, тогда окружавших нас. По крайней мере популярного среди жителей 7-го участка зэка-доктора Ян Яновича я припомнил сразу же, как только кто-то из ветеранов завода заговорил о нем.

Жаль, но все это из области несбыточных мечтаний, так что вернемся к земному. Я тоже окончил среднюю школу

№ 48. Но на пять лет позже того, как ее покинул сын Башилова. Помню и день похорон Сталина и траурную линейку в связи с этим в актовом зале. Помню и директора Лукьянова, и Владимира Корнеевича Эккерта, который учил меня «шпрехать по-дойчески». Мы и позже встречались с ним, когда он стал работать в пединституте. Подарил Корнеич мне и моей жене, она тоже у него училась, две своих книги на немецком языке, очевидно, полагая, что после учебы в школе мы все-таки освоили родной для него язык. Но мы были не лучшими его учениками.

Из письма И.Я.Башилова
дочери.

«3 марта 1951 г.

Дорогая Ира! Большое спасибо тебе за письма. Лекарство получил и в понедельник пойду заказывать свои порошки. Чувствую себя лучше, чем в прошлом году. Одышка заметно меньше и болей в сердце так же меньше. Вот только нервы никуда не годятся.

От людей хочется просто физически куда-нибудь уйти подальше, и я решительно нигде не бываю... Гулять тоже и не с кем и холодно. Морозы сдали свои позиции, видимо,

*только на этих днях, а были они все время с ветерком!
Поэтому потихоньку работаю над окончательным
оформлением книги, а затем читаю и привезенное, и
приобретенное здесь.*

*Сейчас с трудом открываюсь от Герцена («Былое и
Думы»). Она даже в купированном виде производит
потрясающее впечатление. Вообще – комната много
меньше, книги расположены теснее, их кажется больше и
они гораздо ближе к рукам, чем раньше. На самом деле их
много, но собраны они все-таки по выбору, и в них, значит,
кусочек собственных мыслей и переживаний... И подбор их
таков, что даже самые «плохие» из них интересны м.б.
навсегда, как знаки поступи истории, ее следы на
сцементированном песке событий...*

*Неужели и они, эти книги «четвертой библиотеки» все-
таки пропадут и памятником мне не послужат! А ведь
это, пожалуй, лучший памятник, какой можно себе
представить!»*

Москва.

Апрель 2000 г.

Квартира В.И.Башилова

- Да, несмотря на все довольно многочисленные успехи, отец последние годы жалел о каждом прожитом в Красноярске дне. Увлеченный наукой, он прекрасно сознавал, что надо жить иначе. Отсюда его молчаливость и замкнутость. Он просто о многом боялся говорить.

- И все-таки, Владимир Иванович, отец чем-то с Вами делился. Припомните, пожалуйста. Для восстановления достойной памяти о нем важна каждая крупица.

- Ну вот, к примеру, деталь, которая свидетельствует о многом. Как «враг народа» отец, понятно, официального «допуска» к секретным работам не имел. Но работал в этой сфере, и весьма успешно. Более того, он никогда не подвергался личному досмотру, когда после рабочего дня выходил из основных цехов завода. Хотя все раздевались полностью. А «враг народа» был от этой процедуры освобожден. Позже мать рассказывала мне, что когда в июне-июле 1953 года отец получил «чистый» паспорт, он на ночь клал его под подушку, словно главную свою ценность. В то время я уже учился в Москве, и отец по случаю получения нового паспорта прислал мне восторженную телеграмму. Во время одной из наших последних встреч, он говорил мне, что в условиях репрессий жизнь в нашей стране все более напоминает

фашизм, и это становится уже невыносимым. Только поняв обстановку тех лет, можно прочувствовать трагический смысл такой оценки.

Или еще один эпизод, достойный размышлений. Отец приехал за паспортом в милицию Ленинского района. С ним изъявил желание побеседовать ее начальник. Не знаю, то ли он сам решил обрадовать отца, а может быть захотел показать свою осведомленность. Он сказал примерно так: «К вам, Иван Яковлевич, у «органов» уже давно нет никаких претензий. А то, что вас держат в Красноярске и не выпускают, так об этом постоянно завод хлопочет. Уж очень вы ему нужны. Они же прекрасно понимают, что если бы вам «чистый» паспорт выдали раньше, то вы бы сразу в Москву уехали». Думаю, что эта новость окончательно надломила отца. Кстати, в последнее время он уже и не рвался в Москву. Отвык, говорил. А вот, кажется, в Казань по рекомендации академика Несмеянова собирался переехать. Но не сумел...

Мы помолчали, покурили, повздыхали... Признаться, такая новость и для меня была чем-то вроде кирпича, упавшего неожиданно на голову. Все ветераны, с которыми мне довелось побеседовать и чьи воспоминания я прочел, прежде всего подчеркивали, что Башилов хотел, но не мог уехать, так как официального права получить вид

на жительство в Москве он не имел и ему при каждом удобном случае напоминали об этом. Получалось, что «узаконенное» беззаконие тех лет, бюрократическое, если угодно, бездушие никакой «персональной» окраски по отношению к Башилову не имели. Всем было нельзя, поэтому и ему не разрешали.

Совершенно не обладая полномочиями для вынесения «обвинительных заключений», я чисто с гражданских позиций считаю возможным подчеркнуть, что сказанное сыном ученого проливает несколько иной свет, если так можно сказать, на взаимоотношения завода и доказавшего свою верность его интересам Башилова. Лишив ученого всех прав на свободное перемещение по стране, регулярно поощряя и награждая, его просто держали на привязи, только потому, что он многое знал и многое умел. Попав в железную хватку одного из подразделений ГУЛАГа, он, позволю себе такое сравнение, напоминал лимон из которого старательно выжимали сок, оправдательно приговаривая: «Так надо...»

Он отправлял свои письма, отчаянные крики о помощи, разнокалиберным вождям тех лет, но, боюсь, что они никуда из Красноярска и не уходили. Их, надо полагать, любознательно читали лишь перлюстраторы-профессионалы, докладывали кому следует, а затем

старательно «приобщали к делу». Он умолял представить официальный документ с обязательным указанием тех пунктов 58-й статьи, по которым ему были предъявлены обвинения. Но их, якобы, не могли найти. И только по этой причине Башилов, ставший к тому времени Лауреатом Сталинской премии, не был амнистирован в 1949 году в честь 70-летия «горячо любимого вождя», тов.Сталина... Сколько еще могла продолжаться эта жестокая волынка, неизвестно.

9 марта 1953 года тело умершего неделей раньше «отца и губителя» своих сограждан было размещено в мавзолее. А вскоре, 27 марта, по инициативе, вдруг ставшего «демократом», хозяина ГУЛАГа Лаврентия Бери и с одобрения руководства ЦК партии Верховный Совет СССР принял Указ о массовой амнистии. Интересно, что в действовавшем в то время Уголовном Кодексе такое понятие как «амнистия», вообще не было упомянуто. Как утверждают юристы-историки, уже к 18 апреля того же года из лагерей было выпущено свыше одного миллиона 200 тысяч человек. Думаю, только после этого стало очевидным, что далее держать Башилова «на притужальнике» более нельзя, и дирекция завода дала «органам» соответствующую отмашку. После чего Иван Яковлевич не только получил «чистый» паспорт, но и услышал в связи с этим и комментарий начальника

милиции. Повторю, это всего лишь версия, но вполне, на мой взгляд, очень даже оправданная.

Из дневника И.Я.Башилова

«Мне лично продолжают наносить обиды, несмотря на продолжающиеся успехи, очень эффективно помогающие заводу. Все это заслуживает пристального внимания, анализа и каких-то обобщений для уроков будущему и тем же детям, которые многого все еще не понимают... Надо сесть за перо, надо систематически думать... А ведь силы иссякают, - это факт..» (дата записи не указана – авт.)

«10 апреля 1953 г.

... В здешних лагерях ст.58 уже нет – перевели в другие места. Я нервничаю очень сильно, т.к. положение здесь становится прямо невыносимым...

7 мая 1953 г.

... Только сегодня получил из отдела кадров справку о том, что осужден я был по ст.58 п.7 и 11.

3 июля 1953 г.

...Я несколько прихворнул. По-видимому (в связи) с пережитыми волнениями, был 24/У1 слабый приступ сердечной астмы...»

После этой записи профессор, похоже, больше не притрагивался к своему дневнику. Может быть по той причине, что через 15 лет после ареста он, наконец-то, узнал, что «врагом народа» его сделали по пунктам 7 и 11 58-ой статьи. Разумеется, сегодня – это не более чем шифровка из прошлого. Ее смысл помог мне раскрыть один знакомый офицер Красноярского регионального Управления ФСБ РФ. По моей просьбе он отыскал в архиве своего ведомства небольшую ветхую книжицу карманного формата с названием «Уголовно-процессуальный Кодекс». Оказывается в то время, когда И.Я.Башилов получил свои «пять лет лагерей», пункт 7-й 58-й статьи предусматривал лишение свободы «за подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения...» и т.д. «...в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций». А пункт 11 пресекал «всякого рода организованную деятельность, направленную на совершение преступлений...»

Иными словами, Ивану Яковлевичу даже в страшных снах не могли забрести в голову те замыслы и намерения, которые соответствовали бы этому «прейскуранту». Ну другим он был человеком!

«А вскоре, - нашел я в воспоминаниях Анфисы Александровны Романкевич, - из Москвы Башилову пришло приглашение, вернуться в институт имени Хлопина, работая в котором, он и был арестован... Его сердце не выдержало. Он умер 20 августа в возрасте 61 года...»

На рабочем столе Ивана Яковлевича лежал написанный им учебник, который был подготовлен лишь вчерне и поэтому так и остался неопубликованным. Он явно предвидел, что такое может случиться...

И лишь 30 января 1957 года Верховным Судом СССР решение Особого Совещания НКВД в отношении И.Я.Башилова было отменено «за отсутствием в его действиях состава преступления». Боюсь, что эта весть стала известна лишь только близким семье Башиловых людям. Широкой огласки на заводе, а тем более в Красноярске, она не получила, хотя большинство заводчан-ветеранов, думаю, было убеждено в невинности и самого Ивана Яковлевича, и многочисленных его коллег по «шарашке». Так уж принято в нашей стране, где ущербная нравственность на протяжении почти всего 20 века оставалась неизлечимой, публично измажут, а отмываться принуждали только втихушку...

Сажу в удобном кресле близ письменного стола профессора Башилова. Он смотрит на меня с многочисленных фотопортретов. Смотрит тепло и с некоторым лукавством, словно хочет сказать: «А вы наверное полагали, что финал будет иным?..»

- А его Сталинская премия... - совершенно неожиданно для себя спрашиваю я сына ученого.

- Он весьма иронично относился к ней, но считал эту награду заметным итогом своей персональной работы в Красноярске, хотя и получал премию не единолично, а в составе группы специалистов из 7, вместе с ним, человек. Кажется, полный ее размер был 200 тысяч рублей на всех. Половину этой суммы, по традиции тех лет, сразу отдали руководителю завода, а оставшееся было поделено на всех остальных.

- А какой-то документ...

- Конечно же есть, - говорит Башилов-младший и протягивает мне увесистую папку-диплом с портретом творца всех «врагов народа» и лауреатов его же имени с факсимильным оттиском подписи внизу. Сталин!

Странное дело, подумал я, в те безжалостные к человеческим судьбам годы и «враги народа», его заклятые и просто друзья получали совершенно одинаковые

дипломы, ордена с медалями и прочие награды. Не было на них каких-то особых, «вражеских» знаков отличия или пометок. Они стали появляться позже, словно спустя много лет кто-то решил, что подлинность случившегося обязательно должна хотя бы слегка быть подлакированной. Вот и на тыльной стороне памятника, что установлен на месте захоронения Ивана Яковлевича Башилова, старательно высечено на мраморе, что он – лауреат Государственной премии. И год указан – 1948. Это не правда! Тогда ведь все было только «сталинским»: и само государство, и пятилетки, и «соколы», и «внучата», и органы НКВД...

Башилов не выбирал время, оно ему таким досталось, и он по меркам высшей добросовестности прожил его, отдав именно государству сполна и свой талант, и силы. И ушел он из жизни все же Сталинским лауреатом, и именно им должен оставаться в нашей памяти. Да и грешно, говорят, это, когда на могиле жестоко обманутого при жизни, по привычке обманывают и тех, кто приносит сюда цветы...

КРАСНОЯРСК–МОСКВА-НОРИЛЬСК-«ЗАГОРЬЕ»-
- КРАСНОЯРСК.

Июль 1997 – ноябрь 2001 г.г.

